

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

**ПРОПАВШИЙ
ДНЕВНИК**

Мария Марцева

Мария Марцева

**Криминальные истории.
Пропавший дневник**

«Автор»

2026

Марцева М.

Криминальные истории. Пропавший дневник / М. Марцева — «Автор», 2026

Тихая школа на окраине Светлогорска хранит страшную тайну. Ранним осенним утром во дворе находят тело молодой учительницы литературы Ольги Райко — она упала из окна собственного кабинета. Несчастный случай? Самоубийство? Но майор Стрельцов сразу замечает: следы на подоконнике, опрокинутый цветок, разгромленный кабинет — всё указывает на борьбу. Коллеги шепчут, что Ольга «слишком много видела» и вела дневник, куда записывала чужие секреты. Этот дневник бесследно исчез. За что убили честную учительницу? Кто из её окружения готов был пойти на преступление, лишь бы тайна не вышла наружу? Сборник остросюжетных детективов. Изощёренные убийства, неожиданные повороты, блестящая работа криминалистов и финал, который невозможно предугадать. Каждая история — отдельное расследование, где улики не лгут, а справедливость торжествует.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Долг соседа	5
Глава 1. Тело в подъезде	5
Глава 2. Старые расписки	9
Глава 3. Должники	12
Глава 4. Запись с камеры	16
Глава 5. Признание	19
Свадебный подарок	23
Глава 1. Невеста без жениха	23
Глава 2. Конверт с деньгами	26
Глава 3. Бывшая	30
Глава 4. Гараж	33
Глава 5. Сговор	36
Аптека на углу	39
Глава 1. Странная смерть	39
Глава 2. Поддельные лекарства	43
Глава 3. Поставщик	47
Глава 4. Свидетель	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мария Марцева

Криминальные истории.

Пропавший дневник

Долг соседа

Глава 1. Тело в подъезде

Утро в доме номер семь по улице Тенистой началось не с привычного гомона спешащих на работу людей, а с надрывного, истеричного крика, разорвавшего сонную тишину третьего этажа.

Кричала Антонина Павловна Гречко — женщина лет шестидесяти, в стёганом халате болотного цвета и в тапочках с растоптанными задниками. Она вышла вынести мусор и едва не наступила на тело, лежавшее поперёк лестничной площадки между вторым и третьим этажами.

— Люди! Лю-у-уди! — голос её сорвался на визг, отскочил от бетонных стен и взлетел вверх по лестничному пролёту. — Убили! Виктора Степановича убили!

Двери начали открываться одна за другой. Сначала осторожно, на цепочку, потом — настежь. Жильцы в пижамах, домашних трико и наспех наброшенных кофтах высыпали на площадки, перегибались через перила, толкались, охали.

Виктор Степанович Сомов, семидесятирёхлетний пенсионер, лежал на спине, неловко подвернув под себя правую руку. Голова его была запрокинута, седые редкие волосы слиплись на затылке тёмным пятном. Глаза приоткрыты, остекленели. Под головой по серому бетону расплзалась бурая лужица, уже начавшая подсыхать по краям.

— Не подходите! — рявкнул кто-то снизу. — Милицию вызвали? Полицию, то есть!

— Вызвали, вызвали, — отозвался дрожащий женский голос. — Уже едут.

Антонина Павловна прислонилась к стене и медленно сползла на ступеньку, прижимая к груди мусорный пакет, словно тот мог её защитить. Её колотило.

— Я ж его вчера видела, — бормотала она. — Вчера вечером, часов в восемь. Стоял тут, ключами гремел. Живой был, живой...

Прибывший наряд оцепил площадку, отгеснил любопытных по квартирам, а через сорок минут к подъезду подъехала тёмно-синяя «Газель» без опознавательных знаков. Из неё вышли трое сотрудников Центра криминалистических исследований — ЦКР, как сокращённо называли это подразделение в сводках.

Первым поднялся по лестнице старший следователь Дмитрий Аркадьевич Воронцов — высокий, поджарый мужчина лет сорока пяти, с коротко стриженными, посеребрёнными висками и внимательным, ничего не упускающим взглядом серых глаз. За ним, на ходу натягивая синие нитриловые перчатки, шла судебно-медицинский эксперт Елена Сергеевна Дроздова — невысокая, собранная, с чемоданчиком в руке. Замыкал процессию молодой оперативник Костя Шилов, у которого ещё не сошёл с лица румянец недавнего выпускника, но в глазах уже читалась цепкая привычка примечать детали.

— Так, граждане, расходимся, — спокойно, но твёрдо произнёс Воронцов, поднимаясь на площадку. — По квартирам. Со всеми побеседуем, никто не уйдёт, обещаю.

Жильцы нехотя втянулись обратно за двери, оставив щели — подсмотреть и подслушать.

Дроздова присела на корточки возле тела, не касаясь его, окинула покойного профессиональным взглядом сверху вниз.

— Дмитрий Аркадьевич, навскидку — смерть наступила вчера вечером, часов десять-двенадцать назад. Трупное окоченение выражено, пятна сформировались. Точнее скажу после.

— Причина? — Воронцов присел рядом, разглядывая лужу под головой.

— Рана на затылке. — Елена Сергеевна аккуратно повернула голову покойного, посветила фонариком. — Рассечение, проломлен череп. Похоже на удар о твёрдый угол. Видите? — Она указала затылком в перчатку пальцем на острую кромку нижней ступеньки. — Вот сюда. Если человек падает спиной, теряет равновесие — затылок встречается с ребром ступени. Характерная картина.

— Сам упал или помогли? — негромко спросил Воронцов.

— А вот это уже ваш вопрос. — Дроздова чуть усмехнулась, не отрывая глаз от раны. — Я могу сказать только, что удар один, сильный. Других повреждений на голове не вижу. Руки... — она приподняла кисти покойного, осмотрела ладони, ногти. — Ссадина на правой ладони, свежая. Возможно, пытался опереться при падении. Под ногтями вроде чисто, но возьму соскобы.

Костя Шилов тем временем медленно обходил площадку, держа руки за спиной, как учили, чтобы ничего не задеть.

— Дмитрий Аркадьевич, — окликнул он. — Тут ключи. Связка. Под батареей закатилась.

Воронцов подошёл, наклонился. Под чугунной секцией старого радиатора действительно блестела связка ключей на потёртом кожаном брелоке.

— Сфотографировать, изъять, описать, — распорядился он. — Антонина Павловна говорила, он вчера ключами гремел. Получается, дверь открыть не успел. Где квартира Сомова?

— Двенадцатая, — отозвался Костя, сверившись с табличками. — Вот, прямо напротив. Дверь заперта.

— Значит, упал, не дойдя до двери. — Воронцов выпрямился, оглядел площадку целиком, словно мысленно расставляя фигуры на шахматной доске. — Или его остановили прямо здесь. Лена, кровь только под головой?

— Здесь основное пятно. — Дроздова повела фонариком по полу. — Но вот, смотрите, — несколько капель ведут к перилам. Мелкие. Будто брызнуло при ударе.

— Брызнуло... — повторил следователь задумчиво. — Падение тоже даёт брызги. Но направление...

Он опустился на корточки у перил, разглядывая бетон под косым утренним светом, проникавшим через мутное лестничное окно.

— Костя, посвети сюда сбоку.

Молодой оперативник присел рядом, направил луч фонаря вдоль пола. И тогда стало видно: на пыльных ступенях, ведущих вверх, к третьему этажу, отпечатались следы. Смазанные, частичные, но различимые — будто кто-то стоял здесь, переминался, а потом резко двинулся.

— Два человека, — тихо произнёс Воронцов. — Минимум два. Сомов и кто-то ещё.

— Может, кто из жильцов проходил уже утром? — предположил Шилов. — Натоптали, пока паника была.

— Может. — Воронцов поднялся, отряхнул колени. — Но эти следы под пылью, видишь? Их не свежий народ оставил, а вчерашний. Утренние сверху. Изыми образцы, сфотографируй с линейкой.

Он отступил к окну, достал блокнот — старомодную привычку, от которой так и не отказался, несмотря на планшеты и смартфоны.

— Картина такая, — проговорил он вполголоса, больше для себя. — Пожилой мужчина возвращается домой поздно вечером. Стоит на площадке у своей двери, достаёт ключи. Что-то происходит. Он падает спиной, ударяется затылком о ступень. Умирает. Ключи отлетают

под батарею. — Воронцов поднял глаза. — Вопрос: что произошло? Споткнулся сам? Стало плохо с сердцем? Или его толкнули?

— Сердце проверю обязательно, — кивнула Дроздова, защёлкивая один из контейнеров с образцами. — Но падение спиной от инфаркта... обычно человек оседает, а не летит назад. Хотя бывает по-разному.

В этот момент за спинами раздался осторожный кашель. На лестнице, на пол пролёта ниже, стояла Антонина Павловна. Видимо, не утерпела, выбралась.

— Простите, — она комкала в руках платок. — Я вот что вспомнила. Виктор Степанович-то... он ведь не из бедных был, хоть и пенсионер. Деньги давал. Под проценты. Полдома ему должны были, прости господи. Может, и не своей смертью он...

Воронцов медленно повернулся к ней. Взгляд его обострился.

— Подробнее, пожалуйста, Антонина Павловна. Кому давал? Сколько?

— Да я-то не знаю точно. — Женщина замялась, отвела глаза. — Слухи ходили. Кому пять тысяч, кому двадцать, а кому и побольше. Записочки, говорят, заставлял писать. Расписки. Чтоб всё честь по чести. Прижимистый был, царствие небесное, до копейки.

— А вы сами не должны были, случаем? — мягко, почти ласково спросил следователь.

Антонина Павловна вздрогнула, прижала платок к губам.

— Я?! Да боже упаси! Я на пенсию живу, мне самой едва хватает. Это вон... — Она запнулась, понизила голос до шёпота, оглянувшись на закрытые двери. — Лапины со второго этажа должны были. И Зыкова с пятого. И тот, новенький, что в восьмой квартире снимает. Я не сплетница, вы не думайте. Но коли убили человека — надо ж сказать.

— Правильно, что говорите, — кивнул Воронцов и сделал пометку в блокноте. — Никуда не уходите, мы с вами отдельно побеседуем.

Когда женщина скрылась за дверью, следователь обернулся к коллегам. На лице его проступило знакомое выражение — азарт гончей, взявшей след.

— Слышали? Деньги под проценты. Долги. — Он постучал карандашом по блокноту. — Это уже не просто несчастный случай на лестнице. Это, друзья мои, целый клубок мотивов.

— Если он давал в долг полдома, — медленно произнёс Костя, — то у половины дома был повод желать ему смерти. Особенно тем, кто не мог отдать.

— Именно. — Воронцов спрятал блокнот в карман пиджака. — Долг — штука тяжёлая. Давит на человека хуже камня. А когда кредитор стоит вот тут, на тёмной площадке, один, старый, беззащитный... и в кармане у тебя, может, расписка, которую так хочется порвать...

Он не договорил, но мысль повисла в спёртом воздухе подъезда тяжело и оседаемо.

Дроздова поднялась, стягивая перчатки.

— Тело можно увозить, Дмитрий Аркадьевич. Вскрытие сделаю сегодня, к вечеру дам предварительное. Тогда и узнаем точно — толкнули или сам.

— Хорошо, Лена. — Воронцов кивнул санитарам, ожидавшим внизу. — Костя, опечатай квартиру Сомова. Туда мы заглянем в первую очередь. Если он и правда был ростовщиком, то где-то у него хранятся эти расписки. А расписки — это имена. А имена — это наши подозреваемые.

Санитары осторожно подняли тело, переложили на носилки, накрыли. На бетоне осталось только тёмное пятно да меловой контур, обведённый рукой Шилова.

Воронцов задержался на площадке, когда коллеги уже спустились. Он стоял у перил, глядя на ступени, ведущие наверх, к третьему этажу, и на смазанные следы под слоем пыли.

«Два человека, — снова подумал он. — Сомов и кто-то ещё. Кто-то, кто стоял с ним вот тут, лицом к лицу. Кто-то, кому он, возможно, доверял настолько, что повернулся спиной. Или, наоборот, кого боялся».

Утренний свет из окна падал на бетон косыми пыльными полосами. Где-то за стеной плакал ребёнок, шумела вода в трубах, обычная жизнь дома номер семь возвращалась в своё

русло. Но Воронцов знал: для кого-то из жильцов этого дома обычная жизнь закончилась вчера вечером. Закончилась в тот момент, когда седой пенсионер с ключами в руке упал на холодные ступени.

Он сделал последнюю пометку в блокноте — одно короткое слово, подчёркнутое дважды: «Долги».

Затем спрятал карандаш и медленно, не оглядываясь, пошёл вниз по лестнице, туда, где ждали первые ответы и первые вопросы. Расследование убийства соседа, которое ещё предстояло доказать, началось.

Глава 2. Старые расписки

Квартира номер двенадцать встретила следователей затхлым воздухом и полумраком. Тяжёлые портьеры табачного цвета были наглухо задёрнуты, и Воронцову пришлось щёлкнуть выключателем, прежде чем войти. Лампочка под пыльным абажуром нехотя разгорелась, осветив тесную прихожую, заставленную обувью — старыми, но тщательно начищенными ботинками, расставленными по ранжиру.

— Аккуратист был, — заметил Костя Шилов, надевая бахилы поверх ботинок. — Гляньте, всё по линейке.

— Аккуратисты — клад для следствия, — отозвался Воронцов, оглядывая стены прихожей, увешанные старыми фотографиями в потускневших рамках. — У такого человека всё на своих местах. И если он вёл дела — вёл их методично. С записями, с порядком. Нам остаётся только найти, где он этот порядок хранил.

Они прошли в комнату. Здесь царила та же музейная чистота: вязаные салфеточки на спинках кресел, сервант с парадным сервизом, который явно не доставали десятилетиями, ковёр на стене с потёртым оленем у водооя. Над диваном висел портрет женщины — молодой, с добрым усталым лицом.

— Жена, наверное, — кивнул Костя. — Покойная. Антонина Павловна говорила, он вдовец, лет двадцать один живёт.

— Двадцать лет один в такой чистоте. — Воронцов медленно обвёл комнату взглядом. — Одинокий, прижимистый, методичный старик. Деньги давал в долг — единственное, что связывало его с людьми. Власть кредитора. Когда тебе должны, ты для них существуешь. Тебя боятся, тебя уважают, к тебе приходят. Грустная это власть, Костя, но для одинокого человека, может, единственная.

Молодой оперативник промолчал, осторожно выдвигая ящики серванта. В первом лежали бумаги — оплаченные квитанции за свет и воду, аккуратно проколотые и нанизанные на бечёвку, рассортированные по годам. Во втором — пуговицы, мотки ниток, старые очки в нескольких футлярах.

— Ищи там, где он чувствовал себя в безопасности, — подсказал Воронцов, осматривая письменный стол у окна. — Расписки — это его капитал, его страховка. Такое не бросают в общий ящик. Такое прячут.

Стол был старый, дубовый, с потёртой зелёной столешницей. Воронцов выдвинул верхний ящик — заперт. Он попробовал нижние — открылись легко, но внутри оказались лишь чистые бланки, карандаши да старая готовальня.

— Заперт только верхний, — пробормотал следователь. — Логично. Костя, ключи из связки давай.

Шилов протянул пакет с изъятной связкой. Среди ключей от квартиры обнаружился один маленький, плоский, с бороздками — явно от мебельного замка. Воронцов вставил его в скважину, повернул. Замок щёлкнул мягко, послушно.

Внутри, поверх стопки бумаг, лежала толстая клеёночная тетрадь в коричневой обложке, перетянутая аптечной резинкой. А под ней — пачка сложенных вдвое листков, перехваченных канцелярской скрепкой, уже тронутая ржавчиной.

— Вот они, — выдохнул Костя.

Воронцов осторожно, держа за края, извлёк пачку, положил на столешницу и снял скрепку. Развернул верхний листок. Аккуратный, почти каллиграфический старческий почерк с твёрдыми нажимами:

«Расписка. Я, Зыкова Маргарита Олеговна, взяла в долг у Сомова В. С. сумму пятнадцать тысяч рублей под десять процентов в месяц. Обязуюсь вернуть до первого числа. Подпись, дата».

— Десять процентов в месяц, — присвистнул Шилов. — Это же сто двадцать в год! Грабёж.

— Грабёж по закону называется ростовщицеством, — сухо заметил Воронцов, откладывая листок и берясь за следующий. — А по жизни — петля на шее. Взял пятнадцать, через полгода должен уже двадцать пять. Смотри дальше.

Они разбирали расписки одну за другой, и перед ними разворачивалась тайная экономика дома номер семь. Сомов опутал долгами едва ли не каждый этаж. Здесь была расписка той самой Зыковой с пятого. Расписка некоего Тарасова из восьмой квартиры — «новенький, что снимает», как выразилась Гречко, — на тридцать тысяч. Расписка пенсионерки Кравцовой на скромные восемь тысяч с пометкой рукой Сомова: «Просрочка три месяца. Предупреждён». И, наконец, расписка, на которой Воронцов задержал взгляд дольше всего.

«Я, Лапин Игорь Витальевич, взял в долг у Сомова В. С. сумму пятьдесят тысяч рублей...»

— Пятьдесят, — медленно произнёс следователь. — Самая крупная сумма. И смотри, Костя, тут на полях пометок больше, чем на других. — Он поднёс листок к свету. — «Январь — не платил. Февраль — обещал, не отдал. Март — скандалил. Грозился. Сказать всем». Сказать всем — это что значит, как думаешь?

— Может, Лапин чем-то Сомову угрожал? — предположил Костя. — Или наоборот — Сомов грозился рассказать что-то про Лапина?

— «Сказать всем», — повторил Воронцов задумчиво. — Скорее, старик собирался опозорить должника перед домом. Для кого-то это страшнее денег. Особенно если человеку есть что терять. Репутацию, например.

Он отложил расписки и взялся за коричневую тетрадь. Резинка лопнула, едва он её тронул, — рассохлась от старости. Воронцов раскрыл тетрадь и невольно покачал головой. Это была настоящая бухгалтерская книга, расчерченная от руки на колонки. Имена, даты выдачи, суммы, проценты, отметки о платежах. Сомов вёл свои дела с педантизмом банковского клерка.

— Гляди, какая система, — он провёл пальцем по строчкам. — Каждая копейка учтена. Кто платил, кто нет. Красным отмечены просрочки. И смотри, сколько красного против Лапина — вся строка горит.

Костя заглянул через плечо.

— Дмитрий Аркадьевич, а тут, в конце, последняя запись. Свежими чернилами. Вчерашняя дата.

Воронцов перелистнул к последней заполненной странице. И верно — последняя строка была сделана теми же чёрными чернилами, что и расписки, но почерк чуть дрожал, будто старик писал в спешке или волнении:

«Л. — окончательный срок. Если нет — иду к участковому и в управляющую. Пусть знают, кто он есть».

— Вчера, — тихо сказал Воронцов. — Сомов вчера написал, что собирается идти к участковому из-за Лапина. А вечером Сомов мёртв. — Он медленно закрыл тетрадь. — Костя, у нас вырисовывается не просто мотив. У нас вырисовывается дедлайн. Старик загнал должника в угол. Поставил ультиматум.

— Думаете, Лапин?

— Я пока ничего не думаю, — отрезал следователь, но в голосе его не было прежней неопределённости. — Я собираю факты. А думать будем, когда фактов хватит. Пакуй тетрадь и расписки, оформляй изъятие. Это вещдоки номер один.

Пока Шилов составлял протокол, Воронцов продолжил осматривать стол. Под распиской Лапина обнаружился ещё один любопытный предмет — мобильный телефон Сомова, простенькая кнопочная «раскладушка». Следователь натянул свежую перчатку, открыл аппарат. Экран засветился.

— Заряжен. Значит, потерял его не вчера, оставил дома. — Он пролистал журнал звонков. — Так-так. Вчера, в восемнадцать сорок, входящий. Номер не записан в контактах. Длительность — почти четыре минуты. Поздновато для пенсионера деловые переговоры вести.

Он переписал номер в блокнот.

— А вот ещё, в девятнадцать ноль две, исходящий на тот же номер. Полторы минуты. Сомов кому-то звонил вечером, перед смертью. Дважды связывался. — Воронцов поднял глаза. — Пробьём этот номер первым делом. Тот, с кем человек говорил за пару часов до гибели, нам очень интересен.

— А вдруг это просто реклама или поликлиника? — усомнился Костя.

— Тогда мы быстро это выясним и вычеркнем, — пожал плечами Воронцов. — В следствии, Костя, нет лишних версий. Есть проверенные и непроверенные. Запиши номер себе тоже, продублируй.

Он прошёлся по квартире ещё раз, заглянул в спальню — узкая кровать, застеленная по-солдатски ровно, на тумбочке стакан с водой и упаковка таблеток. Воронцов взял пачку, прочитал название.

— Сердечное, — отметил он. — Дроздова права будет проверить сердце. Старик принимал лекарства. Если ему стало плохо, мог и сам оступиться. Эту версию пока не списываем.

— Но следы наверху, — напомнил Костя. — Второй человек.

— Следы наверху, — согласился следователь, ставя таблетки обратно. — И телефонные звонки. И ультиматум в тетради. Знаешь, Костя, что меня смущает? Слишком много всего сходится на Лапине. Слишком ровно ложится. А когда всё ложится слишком ровно — я начинаю нервничать. Жизнь редко бывает такой аккуратной, как этот вот стол.

Он окинул прощальным взглядом квартиру одинокого ростовщика — чистую, тихую, хранившую годами скопленные тайны.

— Поехали в Центр. Тетрадь — на стол, расписки — на стол, номер телефона — в работу. И список составим: кто, сколько, насколько просрочил. С завтрашнего дня начинаем приглашать должников на беседу. — Воронцов помолчал, глядя на портрет покойной жены Сомова над диваном. — А кому-то из них, Костя, придётся очень постараться, чтобы объяснить, где он был вчера в районе восьми вечера. Потому что один из этих должников, я почти уверен, стоял вчера с Виктором Степановичем на той площадке. Лицом к лицу.

Он выключил свет. Квартира погрузилась во тьму, и только узкая полоска уличного фонаря пробивалась сквозь щель в портьерах, падая на пустой стол, где ещё минуту назад лежали чужие долги, чужие страхи и, возможно, чей-то мотив для убийства.

Глава 3. Должники

Кабинет старшего следователя Воронцова в здании Центра криминалистических расследований был под стать своему хозяину — строгий, без излишеств, с двумя стульями для посетителей, металлическим сейфом в углу и большой пробковой доской на стене. К утру второго дня доска уже начала заполняться: в центре была пришпилена фотография Виктора Степановича Сомова, а от неё расходились нити к листкам с именами должников.

— Заключение Дроздовой, — Костя положил перед следователем папку. — Предварительное, как обещала. Смерть от черепно-мозговой травмы, удар затылочной областью о твёрдый угол. Сердце, кстати, проверила — изношенное, но инфаркта не было. Не своей смертью человек упал, скажем так.

— То есть либо толкнули, либо сильно напугали, чтобы он отшатнулся и потерял равновесие, — Воронцов раскрыл папку, пробежал глазами строки. — Время — между девятнадцатью и двадцатью одним. Гречко видела его живым около восьми. Окно сужается. А что с номером телефона?

— Пробыли. — Костя сверился с записной книжкой. — Номер оформлен на Лапина Игоря Витальевича. Того самого. Должника на пятьдесят тысяч.

Воронцов медленно поднял глаза от папки.

— Значит, вечером перед смертью Сомов дважды созванивался именно с Лапиным. В восемнадцать сорок и в девятнадцать ноль две. — Он постучал карандашом по столу. — Что ж. С него и начнём. Но не сразу. Сначала пусть посидят в коридоре все вместе — Зыкова, Тарасов, Кравцова, Лапин. Понаблюдаем, кто как нервничает. И заходить будут по очереди, от самого мелкого долга к самому крупному. Финал побережём.

Первой в кабинет вошла Маргарита Олеговна Зыкова — крашеная блондинка лет пятидесяти, в ярком платье и с обилием бижутерии, звякавшей при каждом движении. Села, закинула ногу на ногу, демонстративно достала телефон.

— Я по какому, собственно, поводу? У меня смена через час.

— По поводу смерти Виктора Степановича Сомова, — спокойно ответил Воронцов. — Вы ведь были ему должны, Маргарита Олеговна? Пятнадцать тысяч под десять процентов.

Зыкова дёрнула плечом, но телефон убрала.

— Была. И что? Все в доме у него брали. Кровопийца был, прости господи. Но я ж его не убивала за это.

— А долг отдали?

— Частями отдавала. — Она поджала губы. — Тысячу там, две тут. Кабала, а не долг. Сколько ни плати — всё мало. Он эти проценты накручивал, как хотел.

— Где вы были вчера вечером, с семи до девяти?

— На работе. В кафе «Уют», я там посудомойкой. — Зыкова вскинула подбородок. — Хотя нет, вру. Смена со среды только начинается. Вчера я... дома была. Одна. Сериал смотрела.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— А кто подтвердит? Кошка? — огрызнулась она, но в голосе мелькнула тревога. — Я честная женщина. Да, он мне всю кровь выпил этими долгами. Я ему как-то прямо сказала — чтоб ты провалился, кровопийца. Но это ж так, со зла. Мало ли что человек со зла скажет.

Воронцов сделал пометку. Мотив — есть. Алиби — нет. Зыкову отпустили, попросив не уезжать из города.

Вторым вошёл Тарасов — Денис, лет тридцати пяти, в дорогой, но мятой рубашке, с тёмными кругами под глазами. Тот самый «новенький» из восьмой квартиры. Он нервно тёр ладони, садясь.

— Я снимаю там жильё всего полгода, — заговорил он, не дожидаясь вопроса. — Занял у деда тридцать тысяч, когда с работы поперли. Думал, перебьюсь, найду новую, отдам. А он проценты включил такие, что я ужаснулся.

— Нашли работу?

— Нашёл. Грузчиком на складе. — Тарасов горько усмехнулся. — Не о такой мечтал, но платят. Только всё, что зарабатываю, деду уходило. Я уж и считать перестал, сколько ещё должен.

— Вчера вечером где были?

— На смене. До восьми. — Он замаялся. — Потом домой пошёл. Пешком, тут недалеко. К девяти примерно дома был.

— То есть с восьми до девяти вы шли пешком. Один?

— Один. — Тарасов сглотнул. — Слушайте, я понимаю, как это выглядит. Я ему должен, у меня нет алиби. Но я его не трогал. Я вчера вечером с лестницы поднимался, да, около девяти. Но он уже... — Тарасов осёкся, побледнел.

Воронцов подался вперёд.

— Что — уже? Договаривайте, Денис.

— Я видел кого-то на площадке третьего этажа, — выпалил Тарасов. — Когда домой шёл. Мельком, со второго пролёта. Стоял человек, спиной ко мне, наклонившись. Я подумал — дед с кем-то говорит, не стал лезть. Поднялся к себе на четвёртый, дверь закрыл. А утром — вот это всё.

— Кто стоял? Мужчина, женщина? Во что одет?

— Не разглядел, темно было, лампочка на площадке моргала. Вроде мужчина. В тёмной куртке. — Тарасов виновато развёл руками. — Я не присматривался. Кто ж знал.

— Это важные показания, — серьёзно сказал Воронцов. — Их запротоколируем отдельно. — Он переглянулся с Костей. Картина обрастала деталями. Около девяти на площадке стоял человек в тёмной куртке. А Тарасов — единственный свидетель, который сам же находился на месте в нужное время.

Третьей пригласили Кравцову — Нину Фёдоровну, сухонькую старушку лет семидесяти, в платочке, с авоськой, которую она прижимала к себе обеими руками. Она долго усаживалась, охала, поправляла платок.

— Восемь тысяч я ему должна была, сыночек, — запричитала она ещё до вопроса. — На лекарства брала, на операцию внучке. А отдавать-то с чего? Пенсия — слёзы. Он меня поедом ел, Виктор-то Степанович. Грозился, что в суд подаст, что приставов наслёт. Я ночами не спала.

— Где вы были вчера вечером, Нина Фёдоровна?

— Так у соседки, у Антонины Павловны, у Гречко! — встrepенулась старушка. — Мы с ней телевизор вместе смотрели, чаёвничали. С семи и до полдесятого, почитай. Она подтвердит, спросите.

Воронцов сделал пометку, подчеркнул. Вот первое твёрдое алиби — если Гречко его подтвердит. Кравцову можно почти вычёркивать. Почти.

— А скажите, Нина Фёдоровна, — он чуть прищурился, — вы, когда от Гречко уходили, никого на лестнице не встретили? Не слышали ничего?

Старушка задумалась, пожевала губами.

— Шум был. Голоса. Громко так, на повышенных. Двое мужчин ругались, наверху где-то. Я как раз от Антонины выходила, дверь открыла — и слышу. Испугалась, обратно юркнула, посидела ещё чуток у Антонины, переждала. А когда снова вышла — тихо уже было.

— Во сколько это примерно?

— Да к девяти, наверное. Может, без четверти. — Кравцова перекрестилась. — Я думала, опять Виктор Степанович с кем долги выясняет. У него вечно крик стоял. Кто ж знал, что в последний раз...

Воронцов и Костя снова переглянулись. Двое мужчин. Ссора. Без четверти девять. Голоса наверху. Всё, что они узнавали, словно нарочно складывалось в одну фигуру.

Когда старушка ушла, Воронцов откинулся на спинку стула и сцепил пальцы.

— Подведём промежуточный итог, Костя. Зыкова — мотив сильный, алиби нет, но женщина. А Кравцова и Тарасов слышали и видели мужчину. Тарасов — мотив есть, алиби нет, но сам же дал показания про неизвестного в куртке. Либо он честный свидетель, либо очень хитрый убийца, который заранее придумал, как отвести от себя подозрение.

— А Кравцова чиста, получается, — заметил Костя. — Если Гречко подтвердит.

— Если подтвердит, — кивнул Воронцов. — Но самое интересное — все дороги ведут к одному. Двое мужчин. Ссора. Тёмная куртка. Телефонные звонки. У нас остался последний гость.

Он кивнул Косте, и тот вышел в коридор.

Лапин Игорь Витальевич вошёл тяжёлой, нарочито уверенной походкой. Это был крепкий мужчина лет сорока, широкоплечий, с короткой стрижкой и квадратной челюстью. На нём была тёмно-синяя ветровка. Он сел, развалившись на стуле, и обвёл кабинет хозяйским взглядом.

— Долго ждать пришлось, — буркнул он. — У меня дела.

— Игорь Витальевич, — мягко начал Воронцов, — вы были должны Сомову пятьдесят тысяч рублей. Самая крупная сумма в его книге.

— Был должен, — Лапин не моргнул. — Занял на ремонт. Отдавал потихоньку. Дед, конечно, жадный был, проценты драл будь здоров, но что поделать — сам пошёл, сам взял.

— Вы с ним ссорились?

— Бывало. — Лапин пожал плечами. — Кто ж с таким не ссорился. Он мне проходу не давал, требовал всю сумму разом. Я объяснял — нет у меня сразу пятидесяти. А он своё.

— Вчера вечером вы ему звонили. Дважды. В восемнадцать сорок и в девятнадцать ноль две. — Воронцов положил перед ним распечатку. — Ваш номер. О чём говорили?

Лапин на мгновение замер. Самоуверенность дала трещину — едва заметную, но Воронцов её уловил.

— Звонил, — Лапин облизнул губы. — Сказать хотел, что на днях отдам. Чтоб не нервничал старик.

— А поднимались к нему вчера вечером? — вкрадчиво спросил Воронцов. — На третий этаж? Около девяти?

— Нет, — слишком быстро ответил Лапин. — Дома сидел. С женой. Она подтвердит.

— Жена — это, конечно, хорошо, — Воронцов кивнул и сделал пометку. — Только знаете, Игорь Витальевич, у нас есть свидетели, которые слышали, как двое мужчин ссорились на площадке без четверти девять. И видели человека в тёмной куртке. Похожей на вашу.

Лапин стиснул зубы, желваки заходили на скулах.

— Мало ли курток в доме. Я никого не убивал. — Он встал. — Всё, разговор окончен. Будут вопросы — через адвоката.

Когда дверь за ним захлопнулась, Воронцов медленно подошёл к доске, взял красный маркер и обвёл фотографию Лапина жирным кругом.

— Соврал про звонки, занервничал, ссылается на жену, — перечислял он. — Мотив, угрозы Сомова идти к участковому, тёмная куртка. Всё сходится на нём, Костя. Слишком хорошо сходится.

Он отступил на шаг, разглядывая доску.

— Нам нужно одно — увидеть его на той лестнице вчера вечером. Слова свидетелей — это слова. А вот если есть запись... — Воронцов обернулся. — В подъезде домофон стоял. Современный, с камерой. Костя, бери запрос в управляющую компанию. Мне нужна запись с камеры за вчерашний вечер. Вся, с шести до десяти. И тогда мы наконец увидим, кто поднялся к Виктору Степановичу Сомову в его последний вечер.

Глава 4. Запись с камеры

Запись из управляющей компании пришла на следующее утро — на стареньком оптическом диске, который Костя Шилов держал двумя пальцами, словно драгоценность.

— Намучился я с ними, Дмитрий Аркадьевич, — пожаловался он, вставляя диск в дисковод служебного компьютера. — Сначала говорили, камера не пишет, потом — что архив затёрся, потом — что нужен официальный запрос с печатями. Еле выбил. Но запись есть. С шести вечера до десяти, как вы просили.

— Камера одна?

— Одна. На входе в подъезд, над домофоном. Снимает площадку перед дверью и часть первого пролёта. Лестницу выше, к сожалению, не захватывает.

Воронцов придвинул стул, надел очки для чтения, которые надевал всё чаще и которые тайно не любил.

— Значит, лица входящих мы увидим, а что наверху происходило — нет. Жаль. Но и то хлеб. Запускай. И поставь время на экране, чтоб сверяться.

На мониторе развернулась чёрно-белая, чуть зернистая картинка. Тамбур подъезда, металлическая дверь, кусок лестницы, ведущей наверх. В углу мерно тикал электронный счётчик времени: 18:00.

— Перематывай по чуть-чуть, — велел Воронцов. — Останавливаемся на каждом, кто входит.

Жизнь дома номер семь потекла перед ними в ускоренной перемотке. Вот вошла женщина с пакетами из магазина — Костя сверился со списком жильцов, опознал жительницу первого этажа. Вот пробежал подросток с рюкзаком. Вот, шаркая, вернулась с прогулки старушка с собачкой.

— Восемнадцать тридцать пять, — отметил Воронцов. — Смотри внимательно. Сомов звонил Лапину в восемнадцать сорок.

И верно — в 18:38 в кадре появился сам Виктор Степанович Сомов. Живой, сутулый, в своём неизменном сером пальто, с авоськой в руке. Он остановился у почтовых ящиков, достал газету, неторопливо двинулся к лестнице и скрылся из виду, поднимаясь наверх.

— Вот он пришёл домой, — тихо сказал Костя. — Последние часы.

— Записывай: восемнадцать тридцать восемь — Сомов вернулся. Дальше.

Перемотка продолжилась. В 18:50 в подъезд вошла Зыкова — её яркое пальто и характерную походку Воронцов узнал сразу.

— А вот и Маргарита Олеговна, — пробормотал он. — Которая «дома сериал смотрела». Пришла без десяти семь. Что ж, по времени сходится — могла и дома быть. Но смотри, не выходит больше. До конца записи. Костя, проверь — она так и не появляется на выход?

Шилов прокрутил вперёд, потом назад, взгляделся.

— Не появляется. Вошла в восемнадцать пятьдесят — и всё. Значит, всю ночь дома просидела. На лестницу могла подняться, конечно, но из подъезда не выходила.

— Уже легче. Хотя третий этаж — это не выход из подъезда. — Воронцов потёр переносицу. — Дальше.

В 19:05 камера зафиксировала возвращение Кравцовой — та самая старушка с авоськой, что приходила на допрос. Она вошла и поднялась.

— Кравцова. — Воронцов сверился с записями. — Говорила, была у Гречко с семи. По времени бьётся — пришла в начале восьмого. А вот теперь — внимание. Тарасов сказал, что вернулся около девяти. Перематывай к двадцати ноль-ноль.

Картинка побежала. 20:00. 20:15. 20:30. Подъездная дверь то открывалась, то закрывалась, впуская обычных жильцов. Воронцов напряжённо вглядывался в каждого, но Лапина среди них не было.

— Двадцать сорок, — произнёс он. — Кравцова слышала ссору без четверти девять. Где же наш герой в тёмной куртке?

И тут, в 20:43, дверь подъезда открылась, и в кадр вошёл мужчина. Крепкий, широкоплечий, в тёмной куртке, с надвинутым на лоб капюшоном. Он на секунду повернулся в сторону камеры — и хотя капюшон скрывал верхнюю часть лица, квадратная челюсть и характерная фигура были безошибочно узнаваемы.

— Стоп, — резко сказал Воронцов. — Назад. Останови на нём.

Костя отмотал, поставил на паузу. На экране застыл Лапин Игорь Витальевич — в той самой тёмно-синей ветровке, в которой приходил на допрос. Время в углу: 20:43.

— «Дома сидел, с женой», — медленно процитировал Воронцов. — А камера говорит обратное. Двадцать сорок три, входит в подъезд, идёт к лестнице. Капюшон надвинул — словно знал, что камера есть, и не хотел светиться. Дальше, Костя. Когда он выходит?

Шилов перемотал вперёд, теперь уже точно зная, кого искать. Минуты тянулись на экране. 20:50. 20:55. 21:00.

— Вот! — Костя ткнул пальцем. — Двадцать один ноль четыре. Выходит.

На записи Лапин стремительно сбегал по лестнице, почти выбежал из подъезда. Капюшон по-прежнему был надвинут, но теперь в его движениях читалась явная торопливость, нервозность. У самой двери он на мгновение оглянулся назад, вверх, на лестницу — и в этом взгляде, даже сквозь зернистую картинку, читался испуг. Потом он рывком распахнул дверь и исчез в ночи.

— Двадцать один ноль четыре, — повторил Воронцов, и в голосе его зазвучал металл. — Вошёл в двадцать сорок три, вышел в двадцать один ноль четыре. Двадцать одна минута наверху. Кравцова слышала ссору без четверти девять — то есть в двадцать сорок пять. Аккурат через две минуты после того, как Лапин вошёл. Тарасов видел человека в тёмной куртке на площадке около девяти. Дроздова определила время смерти — между девятнадцатью и двадцатью одним. — Он откинулся на спинку стула. — Всё совпало, Костя. Всё до минуты.

— Двадцать одна минута, — Костя присвистнул. — За это время можно и поговорить, и поругаться, и...

— И толкнуть, — закончил Воронцов. — Смотри, как он выходит. Сравни с тем, как вошёл. Вошёл — уверенно, тяжело. Вышел — бегом, оглядываясь. Что-то за эти двадцать одну минуту произошло. Что-то, что заставило его бежать.

Он снял очки, потёр глаза.

— Прокрути ещё раз момент выхода. Медленно.

Костя послушно отмотал и пустил запись покадрово. Лапин сбегал по ступеням — кадр за кадром. У двери оглянулся. И тут Воронцов заметил деталь, которую упустил с первого раза.

— Стоп. Вот здесь. Его правая рука. Смотри.

На стоп-кадре было видно: правую кисть Лапин прижимал к боку, словно баюкал. Пальцы были полусогнуты.

— Повредил руку, — тихо сказал Воронцов. — Или испачкал. Дроздова говорила про ссадину на ладони Сомова — будто старик пытался за что-то ухватиться при падении. А может, и не за что-то. Может, за кого-то. Вцепился в руку обидчика, оцарапал. — Он встал, прошёлся по кабинету. — Костя, когда брали показания у Лапина — ты на руки его смотрел?

Шилов нахмурился, вспоминая.

— Да он всё время руки то на столе держал, то в карманы прятал... Пойдите. — Он щёлкнул пальцами. — Когда уходил, дверь открывал — левой. А правую действительно как-то берёг. Я ещё подумал — может, на работе зашиб.

— Или на той лестнице. — Воронцов остановился у окна. — Так. Картина почти полная. Лапин соврал про алиби — он не был дома, он был в подъезде Сомова в момент убийства. Соврал про звонки — преуменьшил. Совпадает время, совпадает куртка, совпадает ссора, которую слышала Кравцова. И, возможно, у него на руке след от ногтей жертвы. — Он повернулся к Косте. — Этого достаточно, чтобы задержать его и предъявить запись. Но мне мало «достаточно». Мне нужна полная картина. Что было в эти двадцать одну минуту?

— Так он же не расскажет, — пожал плечами Костя. — Будет всё отрицать, на адвоката кивать.

— Расскажет, — спокойно сказал Воронцов. — Когда увидит запись — расскажет. Понимаешь, Костя, есть люди, которые врут до последнего, даже на эшафоте. А есть такие, как Лапин. Громкие, напористые, пока чувствуют себя в безопасности. Но дай им понять, что игра окончена, что отпираться бессмысленно, — и они ломаются. Особенно если убийство было не задуманным, а случайным. Такой груз человек носит тяжело. Он почти рад будет выговориться.

Он подошёл к доске, снял красный круг с фотографии Лапина и нарисовал поверх неё жирную галочку.

— Знаешь, что меня всё ещё смущает? — задумчиво произнёс он. — Я в самом начале говорил: слишком ровно всё ложится на Лапина. И вот теперь всё легло абсолютно ровно. Запись, время, куртка, ссора, рука. Идеально. — Он постучал пальцем по столу. — И именно поэтому я почти спокоен. Потому что это не подделка, не подстава. Это сама жизнь сложилась так. Лапин не заметал следов — он действовал в панике, в аффекте. Надвинул капюшон, да, но в подъезд вошёл, на камеру попался, руку повредил. Так ведёт себя не хладнокровный убийца, а человек, который сорвался.

— Думаете, он не хотел убивать? — спросил Костя.

— Думаю, нет. — Воронцов посмотрел на застывшее на экране лицо Лапина — испуганное, оглядывающееся. — Думаю, была ссора. Старик давил, требовал денег, грозил позором — участковым, управляющей. Лапин не выдержал, толкнул. Может, просто оттолкнул, чтоб тот отстал. А Сомов — семьдесят три года, изношенное сердце, слабые ноги — не удержался. Шаг назад, потеря равновесия, угол ступени. Секунда — и человека нет. — Он покачал головой. — От убийства до несчастного случая иногда всего один толчок, Костя. Один-единственный. И всю оставшуюся жизнь человек будет помнить эту секунду.

Он решительно выпрямился.

— Костя, оформляй задержание. Лапина Игоря Витальевича — на допрос. Сегодня же. Запись копируй, готовь к предъявлению. Дроздовой звони — пусть срочно поднимет соскобы из-под ногтей Сомова, нужна экспертиза на ДНК. Если под ногтями старика найдём генетический материал Лапина — это последний гвоздь.

— А если нет? — осторожно спросил Шилов. — Если соскобы пустые?

— Тогда у нас всё равно есть запись, время, мотив и ложное алиби, — твёрдо ответил Воронцов. — Но я уверен, до экспертизы и не дойдёт. Он сам всё расскажет. — Следователь снова взглянул на экран, на убегающую фигуру в тёмной куртке. — Знаешь, Костя, в чём беда таких, как Сомов? Он думал, что долги дают власть. Что, держа полдома на крючке, он в безопасности, он значим, он силён. А вышло, наоборот. Каждая расписка была не страховкой — а потенциальным мотивом. Он сам, своими руками, своей жадностью, окружил себя людьми, которые его ненавидели. И однажды один из них пришёл на тёмную лестницу.

Он выключил монитор. Лицо Лапина погасло вместе с экраном.

— Вызывай его. Пора заканчивать эту историю. Завтра, я думаю, Виктор Степанович Сомов получит свой последний ответ — кто стоял с ним лицом к лицу в его последний вечер.

Костя снял трубку телефона, а Воронцов ещё с минуту стоял у тёмного экрана, глядя на собственное смутное отражение. Дело почти раскрыто. Оставалось услышать главное — из уст самого человека в тёмной куртке.

Глава 5. Признание

Лапина привели в тот же кабинет, где сутки назад он развалился на стуле с видом хозяина положения. Теперь от прежней самоуверенности не осталось и следа. Он сидел, сторбившись, и то и дело прятал правую руку под левую ладонь, словно прикрывал что-то. Рядом устроился адвокат — молодой, в дорогом костюме, с папкой на коленях и выражением профессиональной скуки на лице.

— Мой подзащитный воспользуется правом не свидетельствовать против себя, — сразу заявил адвокат. — Если у следствия нет конкретных доказательств, прошу прекратить...

— Доказательства есть, — спокойно перебил Воронцов, не повышая голоса. — И прямо сейчас я их предъявлю. Костя, монитор.

Шилов развернул экран компьютера к задержанному. Воронцов кивнул, и запись пошла.

— Смотрите внимательно, Игорь Витальевич. — Голос следователя был ровным, почти доброжелательным. — Это камера домофона вашего подъезда. Вечер убийства. Вот время — двадцать сорок три. И вот человек входит в подъезд. Тёмно-синяя ветровка. Капюшон надвинут. Узнаёте?

Лапин смотрел на экран, не моргая. Желваки заходили на скулах.

— Капюшон. Лица не видно, — буркнул он. — Мало ли кто.

— Хорошо. — Воронцов кивнул Косте. — Тогда смотрите дальше. Двадцать один ноль четыре. Тот же человек выходит. Бегом. Оглядывается. — Запись остановилась на стоп-кадре с обернувшимся лицом. — А вот теперь капюшон сполз. Видите? Ваше лицо, Игорь Витальевич. Чёткое. Эксперт-видеотехник дал заключение — совпадение по биометрии лица сто процентов. Это вы.

Адвокат подался вперёд, взгляделся в экран, и скучающее выражение сползло с его лица.

— Двадцать одна минута, — продолжал Воронцов, не давая паузы. — Вы вошли в двадцать сорок три, вышли в двадцать один ноль четыре. Ровно в этот промежуток соседка снизу слышала, как двое мужчин кричат друг на друга на третьем этаже. Ровно в этот промежуток, по заключению судмедэксперта, наступила смерть Виктора Степановича Сомова. А вы, Игорь Витальевич, сутки назад, сидя на этом самом стуле, сказали мне, что весь вечер были дома с женой. — Он сделал паузу. — Это называется ложное алиби. И оно работает против вас сильнее любой улики.

Лапин молчал, тяжело дыша. Кадык дёрнулся.

— И последнее. — Воронцов открыл папку, достал лист с заключением. — Покажите вашу правую руку. Пожалуйста.

— Не обязан, — хрипло отозвался Лапин, но руку всё же чуть отдёрнул, и Воронцов успел заметить на тыльной стороне кисти три тонкие, уже подсыхающие царапины.

— А вот и не нужно обязывать. — Следователь чуть улыбнулся. — Я их уже вижу. Три царапины. Параллельные. Знаете, как такие появляются? Когда человек, падая, хватается за того, кто его толкнул. Цепляется ногтями. Инстинктивно. — Он положил перед Лапиным заключение. — Под ногтями правой руки Виктора Степановича Сомова обнаружен биологический материал. Эпителий. Чужой. Сегодня утром мы взяли у вас образец для сравнения — помните, при задержании? Так вот. Результат экспресс-анализа ДНК. Совпадение. Это ваша кожа под ногтями убитого, Игорь Витальевич. Он схватил вас за руку в последнюю секунду своей жизни.

В кабинете повисла тишина. Адвокат медленно закрыл папку. Лапин смотрел на свои царапины так, будто видел их впервые.

— Игорь Витальевич, — мягко произнёс Воронцов, и в голосе его не было торжества — только усталость и что-то похожее на сочувствие. — Я работаю давно. И я видел много убийц.

Холодных, расчётливых, которые планируют, заматают следы, смотрят тебе в глаза и врут не моргнув. Вы — не такой. Вы вошли в подъезд, где висит камера. Вы кричали так, что слышали соседи. Вы убежали в панике. Так не ведёт себя тот, кто пришёл убивать. Так ведёт себя тот, у кого всё вышло из-под контроля. — Он наклонился чуть ближе. — Расскажите, как было на самом деле. Это важно. Для вас же важно. Одно дело — умышленное убийство. Совсем другое — то, что случилось там, на лестнице, против вашей воли. Суд это различает. И я различаю.

Лапин поднял голову. Глаза его покраснели. Он покосился на адвоката, и тот, помедлив, едва заметно кивнул — мол, говорите.

— Я не хотел, — выдавил Лапин хрипло. Голос его сорвался. — Богом клянусь, я не хотел его убивать.

— Я верю, — кивнул Воронцов. — Рассказывайте. С самого начала. С того звонка.

Лапин провёл здоровой рукой по лицу, словно стирая что-то.

— Он позвонил сам. Вечером. Сказал — последний срок, завтра иду к участковому, в управляющую, на работу к тебе позвоню, всем расскажу, какой ты есть. — Лапин сглотнул. — А у меня... у меня жена не знает про долг. Я ей сказал, что ремонт на премию делаю. А я у деда занял. Пятьдесят тысяч. И отдать не мог — проценты эти его задушили совсем. Уже под сто тысяч натикало. Я тонул. И тут он грозит всем рассказать. Жене узнать — это... это конец. Она бы не простила, что я полгода врал.

— И вы пошли к нему. Поговорить.

— Поговорить, — Лапин кивнул, ухватившись за это слово. — Только поговорить. Упросить, чтоб подождал ещё. Чтоб не позорил. Я поднялся, он как раз у двери стоял, ключи доставал. Я говорю — Виктор Степанович, ну дайте срок, я отдам, только не говорите никому. А он... — Лапин стиснул кулаки, и царапины на руке побелели. — Он засмеялся. Старик засмеялся мне в лицо. Сказал — а мне, мол, и интересно посмотреть, как ты перед бабой своей выкручиваться будешь. Завтра, говорит, всё узнают, голубчик. И ещё добавил такое... про жену мою... грязное. Я не сдержался.

— Что было дальше? — тихо спросил Воронцов.

— Я его толкнул. — Голос Лапина упал почти до шёпота. — В грудь. Ладонью. Просто чтоб он замолчал, чтоб отстал. Не бил, не замахивался — толкнул, как... как когда отпихиваешь кого. А он... он назад качнулся, ногой за порожек зацепился, рукой за меня хватанул — вот, оцарапал. — Лапин посмотрел на свою руку, и его передёрнуло. — И повалился. Назад. На ступеньки. Я даже понять не успел. Только звук... Дмитрий Аркадьевич, я этот звук теперь всю жизнь слышать буду. Как голова о бетон. Глухой такой.

Он замолчал, тяжело дыша. По щеке скатилась слеза, и крупный, грузный мужчина вдруг показался беспомощным.

— Я к нему кинулся, — продолжил он через силу. — Тряхнул за плечо — Виктор Степанович, Виктор Степанович... А он не дышит. Глаза открыты, а не дышит. И кровь под головой растекается. Я... я запаниковал. Надо было «скорую», милицию, я понимаю теперь. А я... я просто побежал. Вниз, на улицу. Думал — авось не узнают, авось спишут на то, что сам упал. Старый же, мало ли. — Он закрыл лицо ладонями. — Сволочь я. Бросил человека и сбежал. Может, если б «скорую» вызвал — спасли бы? Может, ещё живой был?

Воронцов и Дроздова, стоявшая у дверей, переглянулись.

— Нет, Игорь Витальевич, — мягко сказала Елена Сергеевна, шагнув вперёд. — Не спасли бы. При такой травме смерть наступила почти мгновенно. Вы ничего не смогли бы изменить. Это я вам как эксперт говорю.

Лапин поднял на неё мокрые глаза, и в них мелькнуло что-то — не облегчение, нет, но будто чуть-чуть отпустило.

— Правда?

— Правда, — кивнула она.

Воронцов медленно откинулся на спинку стула.

— Вот теперь картина полная, — произнёс он негромко. — Спасибо, что рассказали честно, Игорь Витальевич. Это не вернёт Виктора Степановича. Но это многое значит — и для следствия, и, поверьте, для вас самого. — Он повернулся к адвокату. — Зафиксируем как чистосердечное признание. Причинение смерти, полагаю, без умысла на убийство — это решит суд и квалификация, но обстоятельства налицо. Аффект, провокация со стороны потерпевшего, отсутствие умысла.

Адвокат, уже снова деловитый, торопливо записывал.

Лапина увели. В дверях он обернулся — растерянный, постаревший на десять лет за один разговор — и тихо сказал:

— Я ведь и про долг забыл совсем, пока бежал. А теперь думаю — да чёрт бы с ним, с этим долгом. С этой женой правдой. Жил бы дед. А я бы как-нибудь... — Он не договорил и шагнул в коридор, к конвою.

Когда дверь закрылась, в кабинете надолго повисла тишина. Костя выключил монитор. Дроздова собирала бумаги.

— Вот и всё, — сказал наконец Шилов. — Раскрыли. А вы оказались правы с самого начала, Дмитрий Аркадьевич. Что не убийца это в чистом виде. Что сорвался человек.

— Прав, — без всякой радости отозвался Воронцов. Он подошёл к доске, снял фотографию Сомова, долго смотрел на сухое, недоброе лицо старика. — Только знаешь, Костя, тут победителей нет. Сомов мёртв. Лапин сядет, семью потеряет — то, чего так боялся, всё равно случилось, только хуже. Жена узнает не про долг, а про тюрьму. А началось всё с чего? С пятидесяти тысяч под грабительский процент. С жадности одного и слабости другого.

Он снял с доски нити, листки с именами — Зыкова, Тарасова, Кравцовой. Все они оказались ни при чём. Все они просто боялись и ненавидели одного и того же человека.

— Долг соседа, — проговорил Воронцов задумчиво, складывая бумаги в папку. — Виктор Степанович думал, что соседи должны ему деньги. А на деле он сам задолжал им — покой, нервы, сон. И этот долг копился годами, пока однажды не обернулся против него на тёмной лестничной площадке. — Он закрыл папку, завязал тесёмки. — Расписки порвать можно. А вот то, что человек копит в душе, ни в какой тетрадке не учтёшь и никаким ключом не запрёшь.

Костя помолчал, потом спросил:

— А царапины, ДНК, экспресс-анализ за одну ночь — это вы всерьёз? Так быстро же не делается.

Воронцов чуть усмехнулся — впервые за весь разговор.

— Соскобы Дроздова взяла, отправила. Результата ещё нет, придёт через несколько дней. — Он постучал пальцем по виску. — Но Лапин-то этого не знал. Он видел царапины на своей руке, помнил, как старик за него схватился. И когда я сказал «совпадение» — он не стал спорить, потому что в глубине души уже знал, что это правда. Иногда, Костя, чтобы человек рассказал правду, нужно показать ему, что ты её и так знаешь. Остальное он доскажет сам.

— А если бы соскобы оказались пустыми? Если бы не совпало?

— Тогда у нас оставались бы запись, время, ложное алиби и ссора, которую слышала Кравцова, — пожал плечами следователь. — Хватило бы за глаза. Но я был уверен, что совпадёт. Потому что вся картина сложилась слишком честно, чтобы быть случайной. — Он взял папку под мышку, окинул кабинетным взглядом опустевшую доску. — Идём, Костя. Оформляй протокол. А я позвоню в дом номер семь — пусть жильцы спят спокойно. Убийцы среди них больше нет. Есть только один несчастный человек, который на одну секунду потерял голову. И целая жизнь, которую уже не вернуть.

Он выключил свет и вышел в коридор, где уже сгущались осенние сумерки. Дело «о долге соседа» было закрыто. Но привычного удовлетворения от раскрытия Воронцов не чувствовал

— лишь тихую, давнюю усталость человека, который слишком часто видел, как из самых обычных людей, из самых житейских историй вырастает беда.

Свадебный подарок

Глава 1. Невеста без жениха

Ресторан «Жемчужина» на берегу городского пруда был украшен так, словно здесь готовились встречать королевскую чету. Гирлянды из белых роз и эвкалипта обвивали колонны, над входом колыхалась арка из живых цветов, а на парковке выстроились начищенные до блеска автомобили с лентами и кольцами на капотах. Музыканты настраивали инструменты, официанты в белых перчатках сновали между столами, уставленными хрусталём. Всё дышало праздником, ожиданием, тем особенным радостным волнением, которое бывает только в день свадьбы.

И только сама невеста, Виктория Снегирёва, стояла у окна банкетного зала, комкая в руках кружевной платок, и с каждой минутой бледнела всё сильнее.

— Полдвенадцатого, — прошептала она, глядя на изящные часики на запястье. — Регистрация в час. Где же он?

Её подруга и свидетельница, бойкая темноволосая Карина, в очередной раз прижала телефон к уху, послушала и опустила руку.

— Опять «абонент недоступен», — растерянно сказала она. — Вик, может, в пробке застрял? Или телефон сел?

— Андрей никогда не опаздывает, — Виктория покачала головой, и фата дрогнула вокруг её бледного лица. — Никогда, понимаешь? Он за полчаса всегда приезжает. А сегодня... сегодня наша свадьба, Карина. Он не мог проспать. Не мог забыть телефон. Что-то случилось.

К полудню тревога перекинулась на гостей. Шёпот пополз по залу: «А где жених? Что-то задерживается... Может, передумал?» Мать Виктории, Людмила Андреевна, металась между столами с натянутой улыбкой, уверяя всех, что Андрюша вот-вот будет, просто мелкая заминка. Отец жениха, грузный мужчина с красным от напряжения лицом, без конца названивал сыну и тихо матерился в усы.

К часу дня, когда подъехал свадебный кортеж к загсу и выяснилось, что ехать некому, праздник окончательно превратился в тревожное ожидание. А в половине второго Виктория, уже не сдерживая слёз, набрала номер полиции.

ЦКР — Центр криминалистических исследований — подключили к делу не сразу. Сначала отмахивались: загулял жених, испугался ответственности, протрезвеет — вернётся. Но когда выяснилось, что Андрей Котов накануне был абсолютно трезв, что его машина исчезла вместе с ним, а телефон не просто выключен, а словно растворился в воздухе, — дело передали в ЦКР как возможное исчезновение при подозрительных обстоятельствах.

В «Жемчужину» прибыла оперативная группа. Возглавляла её майор Ольга Вадимовна Заречная — невысокая женщина лет сорока с собранными в строгий пучок русыми волосами и спокойным, цепким взглядом светло-карих глаз. Рядом с ней держался эксперт-криминалист Павел Громов — высокий, немногословный, с неизменным чемоданчиком, и молодой оперуполномоченный Сергей Лучко, чьё лицо ещё хранило юношескую открытость, но глаза уже научились подмечать чужую ложь.

— Виктория Снегирёва? — Заречная подошла к невесте, которая сидела теперь за пустым столом, всё ещё в свадебном платье, с растёкшейся тушью. — Майор Заречная, ЦКР. Расскажите всё с самого начала. Не торопитесь. Любая мелочь может оказаться важной.

Виктория шмыгнула носом, кивнула.

— Мы вчера созванивались вечером. Часов в десять. Андрей был... счастливый. Шутит, что у него руки от волнения трясутся. Сказал — спи, моя хорошая, завтра большой день. Я люблю тебя. — Голос её сорвался. — А утром я ему позвонила в девять — поделиться, какая погода хорошая. И не дозвонилась. Думала — в душе, спит ещё. А он так и не взял трубку. Ни в девять, ни в десять, ни потом.

— Где Андрей провёл ночь?

— У себя дома. Мы решили, что перед свадьбой ночуем отдельно — примета такая. Он у себя в квартире, я у мамы.

Заречная переглянулась с Лучко.

— Сергей, съезди по адресу Котова. С участковым. Посмотри, дома ли, нет ли следов. Аккуратно. — Она снова повернулась к невесте. — Виктория, у Андрея были враги? Долги? Может, неприятности на работе, конфликты?

— Нет, — Виктория замотала головой. — Андрей хороший. Он менеджер в автосалоне, у него всё ровно. Никаких долгов. Мы копили на свадьбу, на квартиру... — Она вдруг осеклась, и в глазах мелькнул новый страх. — Боже. А вдруг его похитили? Из-за денег? Свадьба дорогая, может, подумали, что мы богатые...

— Пока не будем спешить с выводами, — мягко, но твёрдо сказала Заречная. — Кто-нибудь видел Андрея сегодня утром? Звонил, писал?

Вмешалась свидетельница Карина:

— Свидетель со стороны жениха, Макс, ему звонил утром, около десяти. Хотел заехать за ним вместе с цветами. Но Андрей не ответил. Макс решил, что тот уже выехал, и сам поехал в загс.

— Где сейчас этот Макс?

— Здесь, в зале. Весь извёлся.

Заречная кивнула Громову:

— Паша, осмотрись пока тут. Поговори с персоналом, кто что видел. А я с гостями побеседую.

Пока эксперт обходил зал, майор по очереди подходила к гостям. Картина складывалась одинаковая: жениха никто не видел с прошлого вечера. Андрей Котов словно испарился где-то между десятью часами вечера, когда говорил с невестой, и утром свадебного дня.

Макс, свидетель жениха — спортивный парень с короткой стрижкой, — нервно теребил бутоньерку.

— Я ничего не понимаю, — твердил он. — Мы с Андрюхой вчера до восьми вечера были вместе, костюмы забирали из химчистки. Он был на седьмом небе. Без конца про Вику говорил, про медовый месяц, билеты на Мальдивы показывал в телефоне. Какой побег? Какое «передумал»? Он эту свадьбу два года ждал.

— Билеты на Мальдивы, — повторила Заречная, делая пометку в блокноте. — На когда?

— На послезавтра вылет. Из столицы. Они хотели сразу после свадьбы рвануть.

В этот момент вернулся Сергей Лучко — быстрым шагом, с таким лицом, что Заречная сразу поняла: есть новости.

— Ольга Вадимовна, — вполголоса доложил он, отведя её в сторону. — Был в квартире Котова. Дверь заперта, следов взлома нет. Открыли с участковым и понятыми — ключ был у консьержки, запасной. Внутри... странно.

— Что странно?

— Костюм свадебный висит на дверце шкафа, при параде, готовый. Туфли начищены, рубашка выглажена. Будто человек собирался одеваться. На кухне — недопитый кофе, ещё не до конца засох. Зарядка от телефона в розетке, а телефона нет. И вот ещё. — Лучко понизил голос. — В прихожей на полу лежал галстук. Брошенный. И небольшой беспорядок — будто человек собирался впопыхах. Или будто была какая-то возня.

— Машина?

— Машины во дворе нет. Соседка с третьего этажа говорит, что слышала, как около семи утра во дворе заводили мотор. Не обратила внимания, чья. Но рано для выходного.

Заречная задумчиво постучала карандашом по блокноту.

— Значит, так. Котов ночевал дома. Утром пил кофе — это видно по чашке. Свадебный костюм приготовил, но не надел. Телефон взял, зарядку оставил. И машина уехала около семи утра. — Она прищурилась. — Картина двойственная, Серёжа. С одной стороны — будто собирался на свадьбу, всё разложил. С другой — уехал на четыре часа раньше, чем нужно, не одевшись, бросив галстук.

— Похищение? — предположил Лучко. — Или сам сбежал?

— Рано говорить. — Заречная обернулась к залу, где сидела убитая горем невеста в белом платье среди вянущих цветов. — Слишком рано.

Подошёл Громов, стягивая перчатки.

— Ольга Вадимовна, любопытная деталь. Я поговорил с администратором ресторана. Свадебные подарки, деньги от гостей, по традиции складывали в специальную шкатулку-казну, она тут стоит, у стола молодых. — Он кивнул на изящную белую коробку, обвязанную лентой. — Гости приносили конверты с самого утра, клали туда. Администратор говорит, сумма уже немаленькая собралась. И шкатулка под присмотром.

— И что в этом любопытного?

— А то, — Громов чуть понизил голос, — что родители жениха собрали основной подарок отдельно. Крупный. Наличными. И, со слов матери невесты, этот конверт должен был храниться у Андрея. Он сам настоял — мол, спрячу надёжно, в день свадьбы привезу. Большая сумма, Ольга Вадимовна. На первый взнос за квартиру собирали обе семьи.

Заречная медленно перевела взгляд с эксперта на невесту, потом на пустое место рядом с ней, где должен был сидеть жених.

— То есть у пропавшего Андрея Котова, — проговорила она негромко, — была при себе крупная сумма денег. И билеты на Мальдивы. И машина. И телефон, который теперь молчит.

— Думаете, сбежал с деньгами? — нахмурился Лучко.

— Думаю, что не буду торопиться с версиями, — отрезала майор. — Может, сбежал. А может, именно из-за этих денег его и похитили. Кто-то ведь знал, что в день свадьбы у молодого человека на руках будет крупная сумма наличными. — Она захлопнула блокнот. — Серёжа, объявляй машину Котова в розыск, пробивай по камерам город. Паша, мне нужна полная опись: сколько денег в казне, сколько должно было быть у Андрея, кто последним видел эти деньги. И поднимай биллинг его телефона — где он отключился, в какой точке города.

Она снова взглянула на Викторю. Невеста сидела неподвижно, глядя в одну точку, и фата окутывала её плечи белым облаком — как саван несбывшегося счастья.

— А с ней я поговорю ещё раз, — тихо добавила Заречная. — Когда придёт в себя. Потому что, Серёжа, в таких историях невеста знает о женихе либо всё, либо совсем ничего. И мне очень важно понять, что именно.

Музыканты, так и не дождавшись команды играть, тихо собирали инструменты. Официанты накрывали остывающие блюда фольгой. Гости начали расходиться, перешёптываясь и оглядываясь на застывшую в свадебном платье девушку. Праздник, который готовили месяцами, рассыпался в прах за один день.

А где-то в городе, по серым утренним улицам, четыре часа назад уехала машина с пропавшим женихом, крупной суммой денег и тайной, которую Ольге Заречной только предстояло разгадать.

— Начинаем работать, — коротко сказала майор. — Пропавший человек — это всегда гонка со временем. И у нас этого времени, чувствую, совсем немного.

Глава 2. Конверт с деньгами

К вечеру того же дня ресторан «Жемчужина» опустел. Гости разъехались, музыканты увезли аппаратуру, официанты убрали со столов нетронутые блюда. От пышного торжества осталась только увядающая арка из роз над входом да белая шкатулка-казна на столе молодых — единственный свидетель несостоявшегося праздника.

Майор Заречная распорядилась перенести шкатулку в подсобное помещение и опечатать. Теперь они с Громовым стояли над ней в тесной комнатке администратора, и эксперт, натянув перчатки, аккуратно перерезал ленту.

— Считаем при понятиях, — велела Заречная. — Администратора и официанта, который дежурил у казны. Чтобы потом никаких вопросов.

Когда крышку откинули, внутри обнаружилась плотная стопка конвертов — белых, разрисованных голубками и сердечками, подписанных от руки. Громов вынимал их по одному, вскрывал, пересчитывал содержимое и диктовал суммы Лучко, который заносил всё в протокол.

— От семьи Поляковых — пятьдесят тысяч. От Гуциных — тридцать. От коллег невесты, общий конверт — сорок пять. — Громов методично перекладывал вскрытые конверты. — Итого по гостевой казне набирается около четырёхсот тысяч. Сумма солидная, всё на месте, шкатулка под присмотром была. Это не трогали.

— Гостевая казна цела, — кивнула Заречная. — А вот основной подарок? Тот, что был у Андрея?

Она обернулась к двери, где её уже ждали родители — мать невесты Людмила Андреевна и отец жениха, Виктор Палыч Котов, тот самый грузный мужчина с красным лицом, теперь поникший и постаревший.

— Виктор Павлович, — мягко обратилась майор. — Расскажите про деньги, которые были у вашего сына. Подробно. Сколько, откуда, кто знал.

Котов-старший тяжело опустился на стул, вытер платком лоб.

— Мы с женой собирали на квартиру детям. Долго собирали, годами. Продали гаражи, дачу подняли, заняли частью у родни. — Он сглотнул. — Один миллион двести тысяч. Наличными. Андрюша сам предложил — пап, давай я сохранию, у меня сейф дома, надёжно. В день свадьбы, говорит, при всех вручим, торжественно, под аплодисменты. Молодёжь же любит эти жесты. Я и отдал. Неделю назад. Своими руками отдал миллион двести сыну.

— У него дома есть сейф? — насторожилась Заречная.

— Есть. Маленький, встроенный, в шкафу. Он туда документы, деньги клал.

Майор переглянула с Громовым.

— Паша, в квартире был сейф. Лучко его не упоминал.

— Значит, не нашёл или закрыт был, — отозвался эксперт. — Надо ехать снова, осматривать тщательно.

Людмила Андреевна, всё это время стоявшая молча, вдруг подала голос — тихий, дрожащий:

— А я ведь говорила Вике. Говорила — зачем такие деньги одному человеку отдавать, пусть в банке лежат, на счету. А Андрей настоял. Уверенный такой был. «Мама Люда, не переживайте, всё под контролем». — Она поджала губы. — Вот тебе и под контролем. Где теперь и деньги, и зять?

В её голосе впервые прозвучала не тревога, а что-то острое, подозрительное. Заречная это уловила, но виду не показала.

— Спасибо. Вы очень помогли. — Она кивнула родителям. — Пока отдыхайте, мы будем держать вас в курсе.

Когда дверь за ними закрылась, майор повернулась к своим:

— Подведём итог. Гостевая казна — четыреста тысяч — на месте, цела. А миллион двести, которые отец отдал Андрею, исчезли вместе с ним. Это уже не просто пропавший жених. Это пропавший жених с очень крупной суммой денег.

— Едем смотреть сейф? — Лучко уже привстал.

— Едем.

Квартира Андрея Котова встретила их тем самым застывшим беспорядком, о котором говорил Лучко: готовый свадебный костюм на дверце шкафа, начищенные туфли, недопитая, теперь окончательно засохшая чашка кофе на кухне, брошенный в прихожей галстук. Громов сразу прошёл к встроенному шкафу в спальне, отодвинул в сторону одежду на вешалках.

— Вот он. — За рядом рубашек обнаружилась дверца небольшого сейфа, вмонтированного в стену. — И он закрыт. Но смотрите — не взломан. Ни царапины вокруг замка, ни следов инструмента. Открывали ключом или знали код.

— Можем открыть?

— Электронный замок, с ключом-дублёром. — Громов осмотрел панель. — Без кода — только сверлить. Либо искать ключ. Серёжа, поищи по квартире — связка, отдельный ключик, что-то такое.

Лучко принялся за поиски, а Заречная медленно обошла спальню, вглядываясь в детали. Что-то в этой комнате её настораживало — не беспорядок, а наоборот, его выборочность.

— Паша, посмотри сюда, — позвала она. — Шкаф. Костюм на месте, рубашки висят. А вот тут, гляди, — пустые вешалки. Несколько. И ящик комода выдвинут. — Она заглянула внутрь. — Полупустой. Бельё есть, а вот, скажем, футболок, повседневной одежды — будто часть забрали.

Громов подошёл, осмотрел.

— Действительно. Парадное всё на месте — костюм, рубашки. А обиходное, дорожное — частично исчезло. — Он нахмурился. — Странно для похищенного. Похитители не дают жертве собрать чемоданчик.

— Вот именно. — Заречная выпрямилась. — Серёжа, а дорожная сумка, чемодан в квартире есть?

Лучко, копавшийся в прихожей, отозвался не сразу:

— Ольга Вадимовна, тут на антресоли место есть, пыль кругом, а прямоугольник чистый — будто чемодан стоял и его сняли. И вот ещё. — Он вышел с маленьким ключом в руке. — Нашёл. В кармане домашней куртки, на вешалке у входа. Ключ-дублёр, похоже, от сейфа.

— Открывай, — кивнула Заречная.

Громов вставил ключ, повернул. Замок мягко щёлкнул, дверца отошла. Все трое заглянули внутрь.

Сейф был пуст. Совершенно. Ни денег, ни документов, ни единой бумажки. Только на дне лежал сложенный вдвое лист — паспорт-обложка, под которой не было самого паспорта.

— Загранпаспорт вынут, — отметил Громов, показывая пустую обложку. — А внутренний? Серёжа, ищи документы по квартире.

Через пять минут стало ясно: ни внутреннего паспорта Андрея, ни заграничного в квартире нет. Зато на тумбочке у кровати Лучко обнаружил распечатку.

— Билеты, — он поднёс лист к свету. — Только не на Мальдивы. Точнее, не совсем. Смотрите — электронный билет на поезд. На сегодня. Утренний. До приграничного города. А оттуда... — он перевернул лист, — а оттуда уже другой документ, бронь на международный рейс. Но не на двоих. На одного пассажира. Котов Андрей.

В комнате повисла тишина.

— На одного, — медленно повторила Заречная. — А свадебное путешествие на Мальдивы они с Викторией планировали на двоих, послезавтра, из столицы. Здесь же — поезд сегодня утром, до границы, один билет, другой маршрут.

— То есть он... — Лучко не договорил.

— То есть картина начинает проясняться, — сказала майор, и голос её посуровел. — Сейф открыт без взлома, родным ключом. Деньги исчезли. Загранпаспорт вынут. Часть повседневной одежды и чемодан пропали. И отдельный билет на одного — в день собственной свадьбы, утренним поездом, в сторону границы. — Она обвела взглядом комнату. — Скажите мне, разве так выглядит похищение?

Громов покачал головой:

— Так выглядит подготовленный отъезд. Человек спокойно собрался, открыл свой сейф, забрал деньги и документы, сложил вещи и уехал. Своими ногами, на своей машине.

— Но галстук в прихожей, беспорядок, недопитый кофе? — напомнил Лучко. — Костюм-то свадебный остался. Будто всё-таки собирался жениться.

— А вот это, Серёжа, и есть самое интересное. — Заречная подошла к окну, задумчиво глядя на двор. — Костюм на видном месте, галстук брошен будто в спешке, чашка недопита, ящики выдвинуты. Понимаешь? Если человек хладнокровно сбежал — зачем оставлять следы паники? А если его похитили — откуда тогда вынутый загранпаспорт и билет на одного? — Она обернулась. — Одно из двух. Либо человек метался, рвался между «остаться» и «сбежать». Либо... кто-то очень хотел, чтобы мы поверили в борьбу, в похищение. Инсценировка.

— Вы думаете, он сам всё это подстроил? — Лучко аж присвистнул.

— Я думаю, что не надо думать раньше времени, — в который раз повторила свою сказку Заречная, но на этот раз без прежней строгости — скорее задумчиво. — Однако признаков добровольного исчезновения куда больше, чем признаков насилия. Нет крови, нет следов борьбы настоящей — посуда цела, мебель на местах. Только этот демонстративный галстук на полу.

Она аккуратно подняла билет, упаковала в файл.

— Так. Меняем приоритеты. Серёжа, билет — пробить немедленно: оплачен с какой карты, когда куплен, использован ли. Если Котов сел на этот поезд — значит, нет никакого похищения, есть беглец. Пробей карты Андрея за последний месяц — все траты, переводы, снятия. Если человек готовил побег, он наследил в банке. Закрытые вклады, переводы, новые карты.

— А машина?

— Машина в розыске. Но я почти уверена — мы найдём её брошенной. Если он пересел на поезд, тачка ему больше не нужна, бросит где-нибудь подальше от вокзала, чтоб запутать. — Заречная прищурилась. — Паша, сними отпечатки с сейфа, с ключа, с чашки. Мне нужно знать, был ли в квартире кто-то, кроме Андрея. Если только его пальцы — версия побега почти доказана. Если чужие — тогда всё сложнее.

Громов кивнул, доставая кисточку и порошок.

Заречная ещё раз обвела взглядом квартиру — застывшую, странную, с её выборочным беспорядком, где парадное осталось нетронутым, а всё нужное для дороги исчезло.

— Знаете, что меня гложет? — проговорила она тихо. — Невеста в свадебном платье до сих пор сидит у матери, ждёт его, рыдает, верит, что любимого похитили злодеи. Родители продали гаражи и дачу, собрали миллион двести на счастье детей. А этот «жених», похоже, спокойно открыл сейф своим ключиком, забрал чужую веру вместе с деньгами и сел в поезд. — Она сжала губы. — Если это так, Серёжа, то это не просто кража. Это предательство, обставленное как трагедия. И мне очень хочется посмотреть в глаза человеку, который способен на такое.

Громов, склонившийся над сейфом с кисточкой, вдруг хмыкнул:

— Ольга Вадимовна. Отпечатки на сейфе и ключе. Пока вижу одни — мужские, одного человека. Но вот на чашке кофе... — он поднял голову, — на чашке два разных следа. Андрей пил кофе не один. Утром, перед исчезновением, в квартире был кто-то ещё.

Заречная медленно повернулась к нему.

— Вот как. — Глаза её сузились. — Значит, у нашего беглеца был утренний гость. Или гостья. — Она спрятала файл с билетом в папку. — Пробивай второй отпечаток по базе, Паша. Кажется, в этой свадебной истории появляется ещё один персонаж. И мне почему-то кажется, что без женщины тут не обошлось.

За окном сгущались сумерки. Где-то в городе стояла брошенная машина, мчался к границе поезд, а в опустевшей квартире две чашки кофе хранили след того, что в день свадьбы Андрей Котов был здесь не один.

Глава 3. Бывшая

Утро следующего дня началось в ЦКР с горячего кофе и холодных фактов. Майор Заречная разложила на столе три листа — распечатку звонков Андрея, банковскую выписку и заключение по отпечаткам, — и хмурилась всё сильнее с каждой строчкой.

— Начнём с пальчиков, Паша. Что по второй чашке?

Громов положил перед ней цветную карточку с дактилоскопическими узорами.

— Второй след с чашки прогнал по базе. Совпадение есть. — Он выдержал паузу, как умел только он. — Лебедева Алина Игоревна, двадцать восемь лет. В базе оказалась случайно — проходила свидетелем по мелкому делу пару лет назад, тогда и откатали. Утром в день свадьбы пила кофе в квартире жениха.

— Кто она Андрею? — Заречная подалась вперёд.

— А вот это самое интересное. — Лучко, явно гордясь проделанной работой, развернул свой блокнот. — Я опросил коллег Котова из автосалона. Алина Лебедева — его бывшая девушка. Они встречались около трёх лет, жили вместе, потом года полтора назад расстались. Шумно расстались. Андрей ушёл к Виктории, а Алину, что называется, оставил. И тут начинается самое любопытное.

— Слушаю.

— Лебедева так просто не отпустила. — Лучко перелистнул страницу. — Менеджеры в салоне рассказали: она приходила к Андрею на работу, устраивала сцены. Месяц назад был скандал прямо в торговом зале — кричала при клиентах, что он ещё пожалеет, что свадьбы не будет. Охрана выводила. А неделю назад звонила и Виктории.

— Виктории? — Заречная вскинула бровь. — Невеста об этом не упоминала.

— Не упоминала, — кивнул Лучко. — Но подруга невесты, Карина, в курсе. Говорит, Лебедева позвонила Вике и заявила прямым текстом: «Никакой свадьбы у вас не будет, я обещаю. Андрей мой, и я этого так не оставлю». Вика тогда расплакалась, но Андрей её успокоил — мол, бывшая бесится, не обращай внимания, пройдёт.

Заречная медленно откинулась на спинку стула.

— Значит, так. Бывшая девушка, которую бросили ради другой. Публично угрожала сорвать свадьбу. Звонила невесте с прямыми угрозами. И — её отпечатки на чашке в квартире жениха утром в день исчезновения. — Она побарабанила пальцами по столу. — Знаете, при таких вводных классическая версия напрашивается сама собой. Отвергнутая женщина, ревность, месть. Не смогла стерпеть чужого счастья — и сделала так, чтобы свадьбы «не было».

— Думаете, она его... — Лучко не договорил, но жест был красноречивым.

— Я думаю, что версию надо проверять, а не фантазировать, — осадил его Заречная, но в глазах мелькнул азарт. — Хотя согласись, ложится красиво. Угрожала сорвать торжество — торжество сорвано. Жених исчез. А она в то утро была у него дома. — Майор встала, прошла по кабинету. — Но меня смущает одно. Если это месть ревнивицы — при чём тут миллион двести? Зачем мстительнице, желающей разрушить чужое счастье, забирать деньги и заматывать следы в виде вынужденного загранпаспорта и купленного билета? Мечь и ограбление — это разные почерки.

— Может, одно к другому, — предположил Громов. — Сначала пришла мстить, поссорились, а дальше всё вышло из-под контроля. Деньги увидела, соблазнилась.

— Может быть. — Заречная остановилась у окна. — А может, всё совсем наоборот, и мы опять видим то, что нам хотят показать. Серёжа, что по банку и звонкам?

Лучко подобрался.

— По банку — бомба, Ольга Вадимовна. — Он разложил выписку. — Андрей за последние две недели снял со своих счетов почти всё. Закрыв вклад, который копил «на квартиру».

Обналичил. И — внимание — десять дней назад оформил на себя новую карту в другом банке, на неё периодически переводил небольшие суммы. Будто формировал заначку, о которой никто не знал.

— Тайная карта, — Заречная прищурилась. — Так. А звонки?

— А вот звонки всё ставят на места. — Лучко выложил распечатку. — За последний месяц Андрей очень часто созванивался с одним номером. По несколько раз в день. Поздно вечером, рано утром. Длинные разговоры. Номер оформлен... — он сделал паузу, — на Алину Лебедеву.

В кабинете повисла тишина.

— Подожди, — медленно произнесла Заречная. — Бывшая девушка, которая публично угрожает сорвать свадьбу, кричит на работе, звонит невесте — и при этом каждый день потихому созванивается с женихом? По несколько раз? Поздними вечерами?

— Именно, — кивнул Лучко. — И разговоры не короткие, не «отстань от меня». По сорок минут, по часу. Ночные.

Заречная медленно опустилась обратно на стул. В её глазах что-то изменилось — азарт сменился холодным, ясным пониманием.

— А вот теперь, друзья мои, картинка переворачивается с ног на голову. — Она постучала пальцем по распечатке. — Смотрите. Что мы видели вчера? Признаки добровольного, подготовленного побега. Снятые деньги, тайная карта, билет на одного, собранный чемодан. Всё указывало на то, что Андрей сбежал сам. А сегодня нам подают на блюде ревнивую бывшую, которая «угрожала сорвать свадьбу». Удобно, да? Слишком удобно.

— То есть угрозы — это прикрытие? — медленно проговорил Громов.

— А что, если эти публичные скандалы и угрозы были спектаклем? — Заречная встала, заходила по кабинету, рассуждая вслух. — Подумайте. Если двое решили сбежать вместе с чужими деньгами, что им нужнее всего? Чтобы их не заподозрили в сговоре. И вот Алина устраивает сцены, кричит, угрожает невесте — на людях изображает врага, отвергнутую фурию. Создает образ. Чтобы потом, когда Андрей «пропадёт», все думали что? Либо его похитили, либо это она, бешеная ревнивица, что-то сотворила. А на самом деле...

— А на самом деле они продолжали тайно встречаться и каждую ночь созванивались, — выдохнул Лучко. — И планировали.

— Вот именно. — Заречная остановилась. — Громкая ссора на публике — и нежные часовые разговоры в темноте. Так не ведут себя враги, Серёжа. Так ведут себя сообщники, которые заматают следы. Андрей собирался жениться на Виктории не по любви. Он собирался получить миллион двести от родителей — «спрячу надёжно, в день свадьбы вручим» — и испариться. А Алина ему в этом помогала. И ждала его.

— Билет на одного, — напомнил Громов. — Если они сообщники, почему билет на одного человека?

— А вот это правильный вопрос, Паша. — Заречная снова взяла распечатку с билетом. — Поезд до границы — на одного, на имя Андрея. Может, второй билет куплен отдельно, на её имя, с её карты — проверь, Серёжа, обязательно. Они же не дураки покупать два билета рядом, на одной странице — это сразу связало бы их. А может... — она задумалась, — а может, Алина едет другим путём. Или вообще он её обманул, и поехал один. С чужими деньгами всякое бывает — иногда и сообщников бросают.

Она вернулась к доске, где висели фотографии: Андрей, Виктория, а теперь Лучко прикрепил и снимок Алины Лебедевой — красивой темноглазой женщины с упрямой линией губ.

— Итак, новая версия, — резюмировала майор. — Андрей Котов и его «бывшая» Алина Лебедева — никакие не бывшие. Они в сговоре. Андрей затеял свадьбу с Викторией ради денег её и своей родни. Алина для отвода глаз играла роль отвергнутой и ревнивой, прилюдно угрожая сорвать торжество — чтобы в случае чего подозрение пало на неё как на сумасшедшую, а

не на них как на расчётливую пару. Утром в день свадьбы Алина была у Андрея — они вместе пили кофе, вместе уезжали. Сейф открыт его ключом, деньги забраны, инсценирован лёгкий беспорядок, брошен галстук — чтобы намекнуть на «похищение» и запутать нас.

— А невеста? — тихо спросил Лучко. — Виктория-то ни сном ни духом.

— А невеста, Серёжа, жертва вдвойне. — Лицо Заречной посуровело. — У неё забрали и любимого, и веру, и деньги её семьи. Она сидит в свадебном платье и оплакивает человека, который её хладнокровно обокрал и предал. — Майор сжала губы. — Знаешь, я повидала много мерзости. Но вот так — использовать чужую любовь, чужие свадебные хлопоты, родительские сбережения как ширму для побега с любовницей... Это особый сорт подлости.

Она решительно повернулась к подчинённым.

— Работаем по новой версии, но проверяем железно, без эмоций. Серёжа: первое — найди второй билет, пробей карты Алины Лебедевой, все её передвижения, не покупала ли она билеты, не снимала ли крупное. Второе — её квартира: дома ли она вообще, или тоже исчезла. Если Лебедева испарилась одновременно с Андреем — это почти доказательство сговора. Паша — экспертиза по чашкам, по квартире: подтверди, что Алина была там именно тем утром, а не накануне. И запроси записи с камер у дома Котова и у вокзала.

— А машина? — напомнил Громов.

— Машина по-прежнему в розыске. — Заречная взглянула на карту города на стене. — И если я права, бросят они её там, где удобно пересесть и не светиться. Не у вокзала — слишком очевидно. Где-нибудь на окраине, в тихом месте, откуда можно незаметно перебраться дальше. — Она прищурилась. — Пусть патрули отработают промзоны, гаражные кооперативы, заброшки на выездах из города. Брошенная машина — это ниточка. А по ниточке мы вытянем и клубок.

Лучко уже схватил телефон, набирая запросы. Громов укладывал в чемоданчик образцы. А Заречная ещё стояла перед доской, глядя на три лица — обманутую невесту, расчётливого жениха и его «ревнивую бывшую», оказавшуюся вовсе не бывшей.

— Свадебный подарок, — проговорила она тихо, почти с горечью. — Миллион двести, собранные родителями на счастье детей. Самый дорогой подарок в их жизни. И он же — приманка, на которую попался не вор со стороны, а свой, родной, любимый. — Майор покачала головой. — Ничего. Поезд идёт долго, граница не близко. У нас ещё есть время догнать этот «свадебный подарок», пока он не уехал за горизонт. Серёжа, Паша — по местам. Гонка продолжается.

И, накинув куртку, она первой шагнула за дверь — туда, где остывающий след беглеца ещё можно было поймать.

Глава 4. Гараж

Звонок раздался в начале второго. Заречная схватила трубку на первом же гудке.

— Майор Заречная.

— Ольга Вадимовна, патруль доложил, — голос дежурного был чёткий, деловой. — Гаражный кооператив «Шинник», на южной окраине, у старой объездной. Стоит машина по приметам из ориентировки. Серая иномарка, госномер совпадает. Брошена у крайнего ряда, у заброшенных боксов. Закрыта, людей рядом нет.

— Никого не подпускать, ничего не трогать, — отчеканила майор, уже поднимаясь. — Выезжаем. Серёжа, Паша — машину нашли. Гаражи «Шинник». Поехали.

Дорога заняла сорок минут. Город сменился промзоной, потом пошли бесконечные ряды гаражей — ржавые ворота, выгоревшая краска, бурьян по пояс между боксами. Кооператив «Шинник» доживал свой век: половина боксов стояла заброшенной, с проломленными крышами и сорванными замками. Идеальное место, чтобы бросить машину и исчезнуть.

Серая иномарка Котова стояла в самом дальнем, глухом ряду, носом к покосившимся воротам крайнего бокса. Возле неё уже дежурил наряд. Заречная вышла из машины, окинула взглядом местность — пустынно, тихо, лишь ветер гонял пыль да где-то вдалеке шумела объездная.

— Удобно, — заметила она. — Тихо, безлюдно, к трассе близко. Бросил тачку — и ушёл. Паша, работай.

Громов натянул перчатки, обошёл автомобиль кругом, внимательно вглядываясь.

— Закрыта на центральный замок. Следов взлома нет — значит, хозяин сам запер и ушёл. — Он заглянул в окна. — Салон чистый. Никаких следов борьбы, крови, ничего такого. Аккуратно оставленная машина. — Эксперт обошёл к багажнику. — Откроем. Серёжа, понятых из патруля.

Багажник открыли запасным ключом, привезённым из квартиры. Заречная напряглась — в таких делах багажник всегда таит худшее. Но внутри оказалось пусто, лишь запаска да аптечка.

— Тела нет, — выдохнул Лучко с явным облегчением. — Уже хорошо.

— Это значит, что версия похищения с убийством отпадает окончательно, — кивнула Заречная. — Никто его сюда не привозил насильно. Он сам приехал и сам ушёл. Паша, что в салоне?

Громов открыл двери, методично осмотрел сиденья, бардачок, пол.

— Так. На переднем пассажирском — длинный тёмный волос. Женский, по виду. — Он подцепил его пинцетом, упаковал. — На коврик под пассажирским сиденьем — чек. Свежий. — Эксперт развернул бумажку. — Заправка, сегодня, шесть пятьдесят утра. Полный бак. И вот ещё — рядом с заправкой, по чеку видно, брали кофе. Два стакана.

— Два стакана, — повторила Заречная. — Опять двое. Он был тут не один.

— И самое любопытное. — Громов наклонился, посветил фонариком под сиденье. — Тут обрывок. Клочок бумаги. Похоже, оторвали от какого-то документа или билета. — Он вытащил маленький уголок плотной бумаги. — Видите цифры? Частично. Похоже на номер места и... буквы. Латиница. Может, от посадочного.

Заречная взяла файл, всмотрелась.

— Серёжа, что у нас по билетам и картам Алины Лебедевой? Ты пробивал.

Лучко раскрыл блокнот, и лицо его было торжествующим.

— Ольга Вадимовна, всё подтверждается. Первое: Алина Лебедева дома не появлялась со вчерашнего дня. Соседка говорит — уехала с чемоданом ещё позавчера вечером. Второе: по картам Лебедевой — три дня назад она купила билет. Тоже на поезд. Но не на тот же,

что Андрей, а на соседний рейс, отправление на полчаса раньше, тот же приграничный город. Оплата с её карты.

— Билеты порознь, рейсы порознь, а пункт назначения один, — медленно проговорила Заречная. — Чтобы не светить связь. Классика. Что ещё?

— Третье, и это главное. — Лучко поднял палец. — Я поднял камеры заправки, той самой, по чеку. Шесть пятьдесят утра. — Он показал распечатанный стоп-кадр. — Вот серая машина Котова. За рулём — мужчина. А на пассажирском... — он ткнул пальцем, — женщина. Качество так себе, но фигура, волосы тёмные — очень похожа на Лебедеву. Они вместе заправились, взяли кофе и поехали дальше. В сторону вокзала.

Заречная взяла стоп-кадр, всмотрелась в размытые фигуры. Потом перевела взгляд на брошенную машину, на пустынные гаражи вокруг.

— Вот и сложилась схема, — произнесла она. — Смотрите, как чисто сработано. Утром Андрей выезжает из дома. Не один — с Алиной, которая ночевала или приехала к нему рано, отсюда вторая чашка кофе в квартире. Они едут вместе. Заправляются под завязку — шесть пятьдесят утра, чтобы хватило на дорогу. Берут кофе в дорогу. А потом приезжают сюда, в эти богом забытые гаражи. Здесь бросают машину — чтобы оборвать след, чтобы мы искали автомобиль, а не их. И пересаживаются. На такси, на электричку, на чью-то ещё машину — и дальше, к вокзалу.

— А зачем бросать тут, а не у вокзала? — спросил Лучко. — Прямо бы доехали.

— А затем, Серёжа, что у вокзала камеры на каждом столбе, — объяснила Заречная. — Машину у вокзала вычислили бы за час, и сразу стало бы ясно — поезд. А тут, в глуши, она могла бы стоять неделю, пока кто-то заметит. Они выигрывали время. Расчётливо. Всё у них расчётливо. — Она покачала головой. — Этот Котов не дурак. Продумал каждый шаг. Снял деньги заранее, завёл тайную карту, купил билеты порознь, машину бросил в глуши. Готовился не один день.

Громов, закончив с салоном, выпрямился.

— Ольга Вадимовна, по уголку билета. Если это посадочный или железнодорожный — я схожу с базой. Но навскидку — формат совпадает с международным сегментом. С тем самым, что был в брони у Андрея. Похоже, обронил кусочек, когда перекладывал документы.

— Значит, он держал билеты при себе, в машине доставал, проверял, — кивнула Заречная. — Нервничал. Даже у таких хладнокровных нервы сдают. — Она прошлась вдоль ряда гаражей, размышляя вслух. — Так. Что мы имеем железно. Один: Андрей Котов жив и действует по своей воле — машина брошена аккуратно, тела нет, следов насилия нет. Два: он не один, с ним женщина, и всё указывает на Алину Лебедеву — её волос в салоне, её фигура на камере заправки, её билет на параллельный рейс, её исчезновение из дома с чемоданом. Три: их цель — приграничный город, оттуда международный рейс за кордон. Четыре: при них миллион двести наличными плюс снятые со счетов деньги.

— То есть сговор доказан, — подытожил Лучко.

— Доказан, — твёрдо сказала Заречная. — Никакого похищения. Никакой мести ревнивой бывшей. Двое сообщников, разыгравших целый спектакль с публичной враждой, чтобы увести нас в сторону. А на деле — любовники, бегущие с чужими деньгами. Невесту использовали как ширму и как кошелёк. — Она сжала губы. — И вот ещё что меня цепляет, Серёжа. Они ведь не просто деньги взяли. Они растоптали людей. Родителей, которые продали дачу и гаражи. Девушку, которая верила в любовь. Всё ради того, чтобы начать сладкую жизнь за границей.

Зазвонил телефон Лучко. Он ответил, послушал, и лицо его вытянулось от азарта.

— Ольга Вадимовна! Это с вокзала, по моему запросу. Камеры. Мужчина, по приметам Котов, замечен в здании вокзала примерно час назад. В кепке, с чемоданом. Брал что-то в кассе или у терминала. Один. Женщину пока не идентифицировали.

Заречная резко выпрямилась.

— Час назад? Значит, он ещё там или рядом! Какой поезд, во сколько?

Лучко лихорадочно сверился с записями.

— Если по его билету — поезд до приграничного отправляется... — он глянул на часы, — через сорок минут! Платформа дальнего следования.

— Сорок минут! — Заречная уже шла к машине. — Значит, он сейчас на вокзале, ждёт посадки. Может, и Алина там, может, разминулись по рейсам — неважно. Главное — Котов в наших руках, если успеем. Серёжа, поднимай вокзальную полицию, пусть аккуратно перекроют выходы и платформу, но не спугнут — берём сами, тихо. Паша, заканчивай тут, опечатавай машину и догоняй.

— А ориентировка на Лебедеву? — крикнул Лучко, прыгая за руль.

— По всем постам и пограничникам — обоих в задержание! — отрезала майор, захлопывая дверцу. — Если она на параллельном рейсе — может, уже за городом, тогда снимут с поезда на ближайшей станции. Но Котов — наш, прямо сейчас. С деньгами, с документами, с билетом. Гони, Серёжа!

Машина рванула с места, поднимая пыль над заброшенными гаражами. Заречная смотрела вперёд, на ленту дороги, и в глазах её была та особая собранность, которая бывает у человека на финишной прямой.

— Знаешь, что самое горькое в этой истории? — проговорила она, не отрывая взгляда от трассы. — Виктория до сих пор уверена, что её жениха похитили злодеи. Сидит, ждёт, молится за него. А «злодей» — он сам. Сидит сейчас на вокзале с чемоданом её родительских денег и ждёт поезд к новой жизни. С другой женщиной.

— Скажем ей? — тихо спросил Лучко, выруливая на объездную.

— Скажем. Потом. — Заречная вздохнула. — Сначала возьмём его. Чтобы было что сказать. Чтобы она увидела не пропавшего героя, а пойманного вора. Иногда, Серёжа, самая большая помощь жертве — это показать ей правду. Какой бы горькой она ни была. Лучше горькая правда сегодня, чем сладкая ложь, которую она будет оплакивать годами.

Впереди, за поворотом, уже показались высокие часы вокзала. Стрелки неумолимо ползли к отправлению поезда, на котором Андрей Котов собирался увезти за горизонт чужую любовь, чужие деньги и чужую веру.

— Успеваем, — сквозь зубы сказала Заречная, глядя на циферблат. — Должны успеть. Гонка заканчивается, Серёжа. Финиш — там, на платформе.

Глава 5. Сговор

Центральный вокзал гудел, как растревоженный улей. Объявления о прибытии и отправлении поездов сменяли друг друга под высокими сводами, толпа текла между кассами, ларьками и табло, тащила чемоданы, обнималась, прощалась. Идеальное место, чтобы затеряться. И самое худшее место, чтобы кого-то искать.

Заречная вошла в здание стремительным шагом, на ходу застёгивая куртку поверх кобуры. Лучко не отставал. У главного входа их уже ждал начальник вокзальной полиции — крепкий усатый капитан по фамилии Доронин.

— Майор Заречная, ЦКР, — коротко представилась она. — Что у вас?

— Выходы под наблюдением, на платформу дальнего следования посадили двух сотрудников в гражданском, — доложил Доронин. — Поезд до приграничного — путь четвёртый, отправление через двадцать пять минут. Посадка уже идёт. Вашего фигуранта пока не засекали среди пассажиров, но камеры зала ожидания мы осмотрели — он там был час назад. Может, до сих пор где-то здесь.

— Значит, ждёт посадки, — Заречная огляделась, цепким взглядом скользя по толпе. — Логично. Зачем светиться на платформе раньше времени? Сидит где-то в зале, в кафе, в углу. С чемоданом, в кепке. Серёжа, ты его фото знаешь лучше всех — глаза в толпу. Доронин, дайте людей к кассам и к выходу на четвёртый путь. Брать тихо, без шума. Если рванёт в толпу — будет давка, нам это ни к чему.

Они разделились. Заречная медленно двинулась вдоль ряда пластиковых кресел зала ожидания, вглядываясь в лица. Усталые матери с детьми, дремлющие командировочные, студенты с рюкзаками. Кепок было много. Чемоданов — ещё больше.

И тут Лучко, шедший параллельным курсом вдоль кофейни, замер. У дальнего столика, спиной к залу, в серой кепке, сидел мужчина. Перед ним стоял нетронутый стакан кофе, рядом — тёмный чемодан на колёсиках. Мужчина то и дело поглядывал на табло, нервно барабанил пальцами по столу и косился на часы.

— Ольга Вадимовна, — тихо проговорил Лучко в рацию, не сводя глаз с фигуры. — Кофейня, дальний столик. Серая кепка, тёмный чемодан. Поза, движения — он. Голову не поворачивает, но фигура его.

— Вижу, — отозвалась Заречная, меняя направление. — Не спугни. Подходим с двух сторон. Доронин — перекрой выход из кофейни.

Они сходились медленно, естественно, как обычные пассажиры. Заречная обошла столики слева, Лучко — справа. Мужчина в кепке снова взглянул на часы, потом потянулся к чемодану, будто собираясь встать и идти на посадку.

— Андрей Викторович, — негромко, но отчётливо произнесла Заречная, останавливаясь у его столика. — Не торопитесь. Поезд без вас не уйдёт.

Мужчина вздрогнул, обернулся. Это был он — Андрей Котов, которого они видели только на фотографиях да на размытых стоп-кадрах. Молодой, красивый, с правильными чертами лица, которое сейчас исказила вспышка паники. Глаза метнулись вправо, влево — и наткнулись на Лучко, перекрывшего проход, и на Доронина у выхода.

— Вы... вы кто? — выдавил он, инстинктивно вцепившись в ручку чемодана.

— Майор Заречная, ЦКР. — Она показала удостоверение. — А вы — Андрей Котов, которого вторые сутки разыскивает половина города. Жених, пропавший с собственной свадьбы. Сидите, не вставайте. — Голос её был спокоен, но твёрд, как сталь. — Руки на стол. Чемодан оставьте.

На мгновение Котову словно изменило самообладание — он дёрнулся, будто хотел вскочить и бежать. Но Лучко уже положил руку ему на плечо, мягко, но непреклонно вдавливая обратно в кресло.

— Не надо, Андрей, — сказал молодой опер. — Бежать некуда. Все выходы перекрыты.

Котов обмяк. Плечи опустились, и вся напряжённая собранность вытекла из него, как воздух из проколотого шара. Он смотрел на стакан остывшего кофе перед собой и молчал.

— Паспорт, билет, документы — на стол, — распорядилась Заречная. — Понятые, прошу подойти. — К столику подтянулись двое сотрудников Доронина в форме. — Открываем чемодан. При свидетелях.

Лучко расстегнул молнию. Сверху лежали наспех сложенные вещи — те самые футболки и повседневная одежда, что исчезли из квартиры. А под ними, в боковом отделении, плотно перетянутые банковскими лентами, лежали пачки купюр. Много пачек.

— Пересчитаем позже и тоже при понятых, — сказала Заречная, глядя на деньги. — Но навскидку, Андрей, тут как раз около миллиона двухсот. Плюс то, что вы сняли со своих счетов. Скажите, это те самые деньги, которые ваш отец отдал вам на хранение? Те, что вы должны были торжественно вручить молодой жене под аплодисменты гостей?

Котов молчал, уставившись в стол.

— Деньги, которые ваши родители собирали годами, — продолжала майор ровным голосом. — Продали гаражи. Подняли дачу. Заняли у родни. Миллион двести — на счастье единственного сына. А вы сложили их в чемодан и сели в поезд. К границе. С билетом на одного.

— Я ничего вам не скажу без адвоката, — глухо проговорил Котов.

— Это ваше право, — кивнула Заречная. — Адвокат у вас будет. Но позвольте, я сама расскажу вам, как всё было. А вы поправите, если ошибусь. — Она присела на свободный стул напротив, не сводя с него глаз. — Вы не любили Викторию. Точнее, любили ровно настолько, насколько любили её семью с деньгами и ваших родителей, готовых отдать последнее. Вы всё рассчитали заранее. Свадьба была не целью, а инструментом. Способом собрать в одном месте, в один день, максимальную сумму наличными — и родительский подарок, и казну от гостей.

Котов чуть заметно дёрнул щекой, но промолчал.

— А рядом с вами всё это время была Алина. — Заречная говорила медленно, наблюдая за его реакцией. — Ваша настоящая женщина. Не бывшая — нынешняя. Вы разыграли спектакль: публичные скандалы, угрозы сорвать свадьбу, звонок невесте. Чтобы все видели в ней врага, ревнивую сумасшедшую. А по ночам вы созванивались с ней по часу и строили планы. Я права? Звонки не сотрёшь, Андрей. Они все у нас. Каждый вечер. Каждое утро.

Котов поднял на неё глаза — и в них впервые мелькнуло не упрямство, а что-то загнанное.

— Вы не понимаете, — тихо выдавил он. — Я не хотел эту свадьбу. Меня... родители давили. Её родня давила. Все ждали. А я Алину люблю. Всегда любил. С ней не получилось из-за денег — у неё за душой ничего, у меня кредиты, родители против были. А Вика — «правильная партия». — Он усмехнулся горько. — Все так радовались. Никто не спросил, чего хочу я.

— И вы решили, что имеете право взять чужое, — без тени сочувствия отозвалась Заречная. — Раз вас не спросили — то и вы никого спрашивать не станете. Забрали родительские сбережения, бросили невесту у алтаря и сбежали с любовницей. Утром в день свадьбы Алина была у вас дома — отсюда вторая чашка кофе, её отпечатки. Вы вместе выехали, вместе заправились, бросили машину в гаражах «Шинник», чтобы запутать след. А беспорядок в квартире, брошенный галстук, недопитый кофе — это вы оставили нарочно. Чтобы все подумали на похищение. Чтобы Вика и ваши родители подняли шум именно про «злодеев», а не про сбежавшего жениха.

— Инсценировка, — тихо подтвердил Лучко.

— Грубая, — добавила Заречная. — Вы переиграли, Андрей. Настоящее похищение не выглядит так аккуратно. Похищенный не успевает собрать чемодан, вынуть загранпаспорт и купить билет на поезд. Вы хотели сбить нас со следа, а на деле оставили подпись под каждым своим шагом.

В этот момент рация Доронина ожила. Капитан послушал, кивнул и повернулся к майору:

— Ольга Вадимовна. С приграничного направления докладывают. Гражданку Лебедеву Алину Игоревну сняли с поезда на узловой станции. Документы при ней, билет за кордон. Задержана, везут к нам.

Котов закрыл лицо руками.

— Вот и всё, Андрей, — спокойно сказала Заречная, поднимаясь. — Алина задержана. Вы — здесь. Деньги — на столе, при понятых. Сговор группой лиц, хищение в особо крупном размере, инсценировка с целью ввести следствие в заблуждение. Поезд, на который вы так спешили, действительно ушёл. Только не туда, куда вы думали.

Лучко защёлкнул наручники. Котов не сопротивлялся — сидел, ссутулившись, и смотрел в одну точку, словно только сейчас осознал, что всё кончено.

— А знаете, что самое страшное? — Заречная задержалась над ним. — Не то, что вы украли деньги. Деньги мы вернём родителям, до копейки. Страшно то, что вы предали людей, которые вас любили. Отца, который продал последнее. Девушку, которая два года ждала этого дня и до сих пор уверена, что вас похитили злодеи. Она вас оплакивает, Андрей. Прямо сейчас. А злодей — вы сами.

Котов сглотнул, но не нашёл, что ответить.

Его увели через служебный выход, мимо толпы, спешащей на поезда. Заречная и Лучко вышли на привокзальную площадь. Вечерело, зажигались фонари.

— Ольга Вадимовна, — проговорил Лучко, глядя вслед машине, увозившей задержанного. — Вы как чувствовали. С самого начала не верили в похищение.

— Не чувствовала, Серёжа. Просто смотрела на детали, — устало откликнулась майор. — Похищение — это хаос, насилие, паника. А здесь во всём была расчётливость. Аккуратный беспорядок. Удобно брошенная машина. Билеты порознь. Так не бывает при настоящей беде. Так бывает, когда человек сам себя выдаёт за жертву. — Она помолчала. — Запомни: инсценировка всегда чуть-чуть слишком аккуратная. Настоящая трагедия выглядит иначе.

— А Виктория? — тихо спросил Лучко. — Ей-то теперь как?

Заречная вздохнула, глядя на вечерний город.

— Тяжело ей будет. Очень. Узнать, что любимый не погиб, не пропал, а попросту обокрал и сбежал с другой... Это рана надолго. — Майор покачала головой. — Но знаешь, лучше так. Лучше горькая правда сегодня, чем годы у окна в ожидании того, кто не вернётся. Деньги родителям отдадим. А ей... ей время поможет. И то, что она увидит его таким, какой он есть. Не героем из её сказки. А вором в наручниках.

Они сели в машину. Где-то за их спинами объявляли отправление поезда — того самого, четвёртого пути, до приграничного города. Поезд тронулся и ушёл в сумерки. Без Андрея Котова. Без чемодана с чужими деньгами. Без несбывшейся новой жизни на чужой стороне.

— Поехали, Серёжа, — сказала Заречная. — Доложим, оформим, вернём деньги. И к Виктории заедем. Сами. Такое нельзя сообщать по телефону. — Она пристегнулась, бросила последний взгляд на сияющие огнями часы вокзала. — «Свадебный подарок». Самый дорогой подарок в их жизни — чуть не стал самой дорогой потерей. Хорошо, что успели. Гонка закончена.

Машина выехала с площади и растворилась в потоке вечернего города — туда, где обманутую невесту ждала горькая, но честная правда. А честная правда, как давно знала майор Заречная, всегда лучше красивой лжи.

Аптека на углу

Глава 1. Странная смерть

Аптека «На углу» открывалась ровно в восемь утра, и за двенадцать лет работы Лидия Петровна Веснина ни разу не опоздала. Невысокая аккуратная женщина пятидесяти двух лет, с приветливым лицом и неизменным белым халатом, она знала каждого постоянного покупателя по имени, помнила, кому какое давление, кто чем болеет и кому пора напомнить про рецепт. Старушки из соседних домов любили её, как родную дочь, а молодые мамы доверяли больше, чем участковому педиатру. «Лидочка плохого не посоветует», — говорили в районе.

В то серое осеннее утро всё шло как обычно. Лидия Петровна отперла дверь, включила свет, протёрла прилавок, разложила в кассу мелочь. Первым покупателем, как всегда, был дед Михалыч с третьего подъезда — пришёл за каплями от давления. Потом потянулись остальные: кто за бинтом, кто за микстурой от кашля, кто просто поболтать. К десяти утра в аптеке стало тихо — час затишья между утренним и обеденным наплывом.

А в десять минут одиннадцатого в аптеку забежала запыхавшаяся молодая женщина с ребёнком на руках — нужен был жаропонижающий сироп, у малыша поднялась температура. Она подошла к прилавку и замерла.

Лидия Петровна сидела на своём стуле за кассой, неестественно запрокинув голову. Лицо её было бледным, с синюшным оттенком, губы посинели, а на полу у ног валялась опрокинутая чашка с недопитым чаем. Глаза фармацевта были полуоткрыты и смотрели в пустоту.

— Женщина! Вам плохо? — испуганно окликнула покупательница. Не дождавшись ответа, она перегнулась через прилавок, тронула Лидию за плечо — и та безвольно качнулась. — Помогите! Кто-нибудь! Скорую!

Через двадцать минут аптека «На углу» была полна людей: приехавшая бригадой скорой, которая могла только констатировать смерть, встревоженные соседи, толпившиеся у входа, и, наконец, оперативная группа ЦКР — Центра криминалистических исследований.

Возглавляла группу майор Тамара Сергеевна Ладо — высокая статная женщина лет сорока пяти, с короткой стрижкой пепельных волос и пронзительным серым взглядом, от которого, как шутили коллеги, не укрывалась ни одна пылинка. Рядом держался эксперт-криминалист Артём Кравцов — молодой, дотошный, с вечным планшетом в руках, и оперуполномоченный Денис Шилов — крепкий парень с цепким взглядом и кривоватой усмешкой.

— Что у нас, Артём? — Ладо натянула перчатки, обходя прилавок.

Кравцов уже склонился над телом, осматривая его с профессиональной отстранённостью.

— Женщина, около пятидесяти. Фармацевт, работала тут. Лидия Петровна Веснина. — Он указал на бейдж. — Признаки, Тамара Сергеевна, очень характерные. Синюшность губ и ногтей, расширенные зрачки, поза — судя по всему, была кратковременная судорога перед смертью. Это не сердце и не инсульт.

— А что?

— Похоже на острое отравление. — Кравцов осторожно приподнял опрокинутую чашку, понюхал. — Чай. И вот тут любопытно — лёгкий горьковатый запах. Не миндальный, нет. Что-то другое. Аккуратно упакуем чашку, остатки чая, всё на токсикологию. — Он сделал пометку в планшете. — Но навскидку — её отравили. И вещество подействовало быстро. Минут за десять-пятнадцать.

Ладо выпрямилась, обвела взглядом помещение. Аптека была маленькой, уютной, идеально прибранной. Витрины с лекарствами, кассовый аппарат, стул, чайник на тумбочке в углу,

недопитая чашка. Ничего не разбросано, ничего не перевернуто — кроме той самой чашки, упавшей из ослабевшей руки.

— Денис, — обратилась она к оперу. — Кто обнаружил тело?

— Покупательница, Тамара Сергеевна. — Шилов кивнул на бледную молодую женщину, которую отпаивали водой у входа. — Зашла за лекарством для ребёнка в десять минут одиннадцатого, нашла Веснину уже без сознания. Сразу вызвала скорую. К телу не прикасалась, только за плечо тронула. Говорит, в аптеке больше никого не было.

— Камеры?

— Есть одна, над входом, и одна над кассой. — Шилов указал на маленький глазок под потолком. — Запись изыщем. Если кто заходил утром — увидим всех.

Ладо медленно прошла вдоль прилавка, разглядывая рабочее место покойной. Всё дышало порядком и привычкой: ручка на блокноте, очки в футляре, фотография внуков под стеклом, коробочка с печеньем рядом с чайником.

— Чай она пила свой, домашний, — задумчиво проговорила майор. — Чайник, заварка, чашка. Артём, проверь всё — заварку, сахар, воду, печенье. Где именно был яд.

— Уже, — отозвался Кравцов, упаковывая образцы в пакеты. — Заварочный чайник, чашка, сахарница, пачка печенья — всё забираю. Если отравы в чём-то из этого, токсикология покажет.

К майору подошёл встревоженный пожилой мужчина в накинутом на пижаму пальто — тот самый дед Михалыч.

— Дочка, скажи, что с Лидочкой? — голос его дрожал. — Я ж у неё утром был, в восемь, за каплями. Живая была, весёлая, про погоду шутила. Как же так?

— А вы во сколько ушли? — мягко спросила Ладо.

— Да минут через десять. В восемь с небольшим. Она мне капли отмерила, я расплатился и домой. — Старик растерянно покачал головой. — Здоровая ж была. Никогда не жаловалась. На сердце — никогда.

— Спасибо. Вы нам очень поможете, если вспомните, не было ли с ней кого ещё. Денис запишет.

Когда деда отвели в сторону, Ладо повернулась к своим:

— Итак. Здоровая, по словам всех, женщина пятидесяти двух лет умирает за рабочим местом от острого отравления. Утром была жива, весела, обслуживала покупателей. К десяти — мертва. — Майор прищурилась. — Версия первая, самая простая: несчастный случай. Перепутала что-то, приняла не то лекарство, отравилась случайно. Она же фармацевт, вокруг сотни препаратов.

— Маловероятно, — покачал головой Кравцов. — Фармацевт с двадцатилетним стажем не путает таблетки, как первоклассник. И яд, судя по симптомам, не из тех, что лежат на витрине от кашля. Что-то серьёзное.

— Согласна, маловероятно. Но проверить надо. — Ладо подняла палец. — Версия вторая: самоубийство. Проблемы, долги, болезнь, о которой никто не знал. Выпила яд сама.

— Тоже сомнительно, — вставил Шилов. — Тамара Сергеевна, женщина утром шутила про погоду, отмеряла деду капли, разложила кассу, печенье поставила. Самоубийцы так себя не ведут перед уходом. И место бы выбрала не за прилавком, на виду у покупателей.

— Логично, Денис. Но и это запишем в проверяемое. — Майор обвела взглядом аккуратную аптеку. — И версия третья. Самая неприятная. Убийство. Кто-то подсыпал яд — в чай, в печенье, в сахар. Кто-то, кто имел доступ. Или кто-то, кого она сама впустила и угостила чаем.

В аптеке повисла тишина. За окном собиралась толпа любопытных, шептались соседки, кто-то уже всхлипывал — весть о смерти любимого фармацевта разлеталась по району.

— Знаете, что меня сразу настораживает? — проговорила Ладо, склоняясь над прилавком. — Аптека. Понимаете, друзья мои? Это не просто место смерти. Это место, где работают

с веществами. Где есть учёт препаратов, рецептурный отдел, поставки. Где человек по долгу службы знает то, чего не знают другие. — Она выпрямилась. — Фармацевт — фигура осведомлённая. Лидия Петровна за этим прилавком видела всё: какие лекарства приходят, какого качества, что выписывают, что продают. Иногда такие люди знают слишком много.

— Думаете, связано с работой? — насторожился Шилов.

— Думаю, что рано делать выводы, — отрезала майор, но взгляд её стал острым. — Однако аптека — особое место. И смерть фармацевта прямо за прилавком — это вам не бытовуха в подворотне. Тут надо копать и в личную жизнь, и в служебную. Денис: опроси всех — соседей, постоянных покупателей, родню. С кем дружила, с кем ссорилась, были ли долги, угрозы, странности в последнее время. И камеры — кто заходил с открытия до момента смерти.

— Сделаю.

— Артём, — Ладо повернулась к эксперту. — Тело — на вскрытие, срочно. Мне нужно точное вещество и время приёма. И всё, что она ела и пила, — на токсикологию в первую очередь. От этого пляшем. Найдём яд — поймём, где искать отравителя.

Кравцов кивнул, продолжая методично собирать образцы. Вдруг он замер, разглядывая что-то на полке под прилавком.

— Тамара Сергеевна, гляньте-ка. — Он указал на картонную коробку, задвинутую в угол под кассой. — Вот тут партия препарата. Обычное лекарство, популярное, от давления. Но коробка вскрыта, часть упаковок вынута. И вот что странно. — Эксперт достал одну из пластинок с таблетками, повертел в пальцах. — Печать, шрифт на блистере... что-то не то. Слегка размыто. И таблетки на вид чуть отличаются по цвету от стандартных. Надо проверить отдельно.

Ладо подошла, всмотрелась.

— Партия лекарств, отдельно отложенная под прилавком, — медленно произнесла она. — Вскрытая. С чем-то не так в упаковке. — Майор переглянулась с экспертом. — Артём, забирай и эту коробку. Отдельным пакетом, отдельная экспертиза. У меня нехорошее предчувствие.

— Думаете, связано со смертью? — спросил Шилов.

— Пока не знаю, Денис. — Ладо ещё раз обвела взглядом аптеку — уютную, чистую, где на стуле застыла мёртвая женщина, а в углу пряталась подозрительная коробка. — Но запомни одно правило. Если в месте, где торгуют лекарствами, внезапно умирает человек, который этими лекарствами заведует, и при этом рядом находится партия препаратов «с чем-то не так» — это не бывает простым совпадением.

Она стянула перчатки, бросила последний взгляд на фотографию внуков под стеклом прилавка — двое улыбающихся малышей, которые ещё не знали, что бабушки больше нет.

— Веснина Лидия Петровна, — тихо проговорила майор. — Двенадцать лет за этим прилавком. Все её любили. А кто-то — настолько не любил, что подсыпал яд в утренний чай. Или, может, она узнала то, чего знать не следовало. — Ладо решительно повернулась к выходу. — Будем выяснять. Артём, как будут результаты вскрытия и токсикологии — звони в любое время. Денис, к вечеру жду первичный опрос и записи с камер. Работаем.

Она вышла на серую осеннюю улицу, где у дверей аптеки толпились притихшие люди. Где-то плакала старушка, повторяя: «Лидочка, как же так, Лидочка...» Холодный ветер гнал по тротуару опавшие листья.

— Странная смерть, — проговорила Ладо себе под нос, глядя на вывеску «Аптека на углу». — Слишком тихая, слишком чистая. Так умирают не от болезни. Так умирают, когда кому-то очень нужно, чтобы человек замолчал. — Она запахнула плащ. — Что ж, Лидия Петровна. Раз вы уже ничего не скажете — придётся нам говорить за вас. И мы своё дело знаем.

И, бросив последний взгляд на аптеку, ставшую местом преступления, майор Тамара Ладо зашагала к машине — туда, где начиналось новое расследование, первая ниточка кото-

рого пряталась в опрокинутой чашке остывшего чая и подозрительной коробке таблеток под прилавком.

Глава 2. Поддельные лекарства

Лаборатория ЦКР встретила майора Ладо привычным запахом реактивов и ровным гудением аппаратуры. Артём Кравцов стоял у длинного стола, заставленного пробирками, пакетами с уликами и распечатками, и вид у него был такой, словно он не спал всю ночь. Так оно и было.

— Тамара Сергеевна, садитесь, — он жестом указал на стул. — У меня для вас сразу несколько результатов. И каждый интереснее предыдущего.

— Начинай с главного, Артём. — Ладо опустила на стул, отставив стаканчик с кофе. — Что её убило?

— Яд. — Кравцов взял первую распечатку. — Токсикология подтвердила. В крови и в желудке — высокая концентрация сильнодействующего вещества. Алкалоид растительного происхождения, такие применяются в малых дозах в некоторых препаратах, но в концентрации, что была у Весниной, — это смертельная доза. Действует именно так, как мы видели: судорога, паралич дыхания, остановка сердца за десять-пятнадцать минут. Горьковатый привкус, который я уловил в чашке, — это он и есть.

— Значит, яд был в чае.

— Вот тут самое интересное. — Эксперт поднял палец. — Я проверил всё: заварку, воду, сахар, печенье. Чисто. Заварка нормальная, сахар обычный, печенье магазинное, без следов. — Он сделал паузу. — А вот на дне чашки и в остатках чая — концентрат яда. То есть отравка попала не в общую заварку, не в сахарницу. Её добавили прямо в чашку. В конкретную чашку Лидии Петровны.

Ладо медленно кивнула.

— То есть это не случайность и не самоубийство через «что-то выпила». Кто-то целенаправленно всыпал яд именно в её чашку. Адресно. — Она прищурилась. — Значит, убийца знал её привычки. Знал, что она пьёт чай из этой чашки. Имел возможность подойти и всыпать.

— Именно. И вещество, Тамара Сергеевна, не из тех, что валяются в свободном доступе. Это не бытовая химия. Тут нужен доступ к фармакологическому сырью или к специфическим препаратам. — Кравцов отложил листок. — Человек, который это сделал, разбирается в веществах. Или имеет к ним доступ.

— Аптека, — проговорила Ладо. — Снова аптека. Круг сужается. Что по той коробке из-под прилавка?

Лицо Кравцова стало ещё серьёзнее. Он подвинул к майору пластиковый контейнер с таблетками и две распечатки рядом.

— А вот здесь, Тамара Сергеевна, мы наткнулись на что-то большое. — Он развернул блистеры. — Помните, я сказал, что упаковка «с чем-то не так»? Я был прав. Это подделка. Фальшивые лекарства.

— Расскажи подробно.

— Препарат от давления, очень популярный, его покупают тысячами. — Кравцов разложил рядом две пластинки таблеток. — Вот это — настоящая, легальная упаковка, я взял с витрины как образец. А вот это — из коробки под прилавком. Смотрите. — Он указал кончиком пинцета. — На вид почти одинаково. Но шрифт на блистере чуть размыт, голограмма поддельная — при наклоне не играет, как должна. Серийный номер не бьётся по базе производителя — я проверял ночью. А главное — состав.

— Что с составом?

— Я вскрыл несколько таблеток и прогнал анализ. — Эксперт постучал по второй распечатке. — В настоящей таблетке — действующее вещество в нужной дозировке. А в этих, поддельных... — он покачал головой, — почти ничего. Мел, крахмал, связующее, чуть-чуть

действующего вещества для отвода глаз. Грубо говоря, пустышка. Человек с гипертонией пьёт такую таблетку, думает, что лечится, а давление не сбивается. Это не просто обман. Это опасно для жизни.

Ладо взяла блистер, повертела в руках, нахмурилась.

— То есть в аптеку «На углу» поступила партия поддельных лекарств. Дешёвые пустышки под видом настоящего препарата. Люди их покупали, пили, верили, что лечатся. А на деле — травили себя бездействием. — Голос её стал жёстким. — Старики, гипертоники. Те самые бабушки, что любили Лидочку. Они приходили к ней за лекарством — а получали мел в красивой обёртке.

— И вот ещё, Тамара Сергеевна. — Кравцов придвинул третий лист. — Я сверил эту коробку с учётной документацией аптеки, которую изъял Денис. По бумагам этой партии... нет. Понимаете? Она не проходит ни по одной официальной накладной. Эти лекарства поступили в аптеку мимо учёта. Серым путём.

Ладо медленно поставила блистер на стол.

— Контрафакт, поступивший в обход документов, — произнесла она. — Отложенный отдельно, под прилавком, вскрытый. Будто кто-то их рассматривал, проверял, отделял. — Она подняла глаза на эксперта. — Артём, а ведь это меняет всё дело. Это уже не просто убийство фармацевта. Это убийство фармацевта, который держал в руках доказательство преступления.

В этот момент в лабораторию вошёл Денис Шилов — с папкой под мышкой и тем выражением лица, по которому Ладо всегда понимала: есть что доложить.

— Тамара Сергеевна, я по камерам и по опросам. — Он раскрыл папку. — Начну с камер. Запись с двух камер аптеки за всё утро отсмотрел покадрово. С открытия в восемь и до момента, когда покупательница нашла тело.

— И?

— Всё буднично. — Шилов разложил несколько распечатанных стоп-кадров. — Заходили покупатели, по одному, по двое. Дед Михалыч в восемь, как и говорил. Потом женщины, старушки, мужчина за пластырем. Все подходят к прилавку, покупают, уходят. Никто не задерживается, никто за прилавок не заходит. — Он сделал паузу. — Кроме одного момент.

— Какого?

— Без четверти девять. — Шилов ткнул пальцем в кадр. — Заходит мужчина. Не покупатель — он сразу проходит за прилавок, в служебную зону. Лидия Петровна его явно знает, не удивляется, не пугается. Они разговаривают. По жестам — разговор напряжённый. Он показывает на ту самую коробку под прилавком. Она качает головой, что-то отвечает резко. Он стоит минут семь, потом уходит.

— Лицо видно?

— Частично. — Шилов поморщился. — Кепка, поднятый воротник, отвернулся от камеры, будто знал, где она. Но телосложение, рост зафиксировали. И вот что важно: пока он был за прилавком, он стоял спиной к камере, заслонял собой чашку и чайник. Несколько секунд его руки не видно — он что-то делал у тумбочки с чаем.

В лаборатории повисла напряжённая тишина.

— Несколько секунд у чайника, — медленно повторила Ладо. — Спиной к камере, заслонив собой чашку. — Она переглянулась с Кравцовым. — А яд был именно в чашке. Адресно. И этот человек знал, где камера, и отворачивался от неё. Не случайный гость, Денис. Подготовленный.

— И ещё, Тамара Сергеевна. — Шилов перевернул лист. — Это не последний его визит. Я проверил записи за прошлую неделю — камера хранит десять дней. Этот же мужчина, та же кепка, то же телосложение, приходил ещё дважды. И оба раза — разговор у прилавка, и оба раза показывал на ту коробку. С каждым разом разговор всё напряжённее. В последний раз, позавчера, Лидия Петровна, судя по записи, чуть ли не выгоняла его.

Ладо встала, прошлась по лаборатории, сцепив руки за спиной.

— Картина складывается, друзья мои. Давайте соберём её. — Она заговорила размеренно, выстраивая логику. — В аптеку «На углу» поступила партия поддельных лекарств — мимо учёта, серым путём. Пустышки под видом препарата от давления. Лидия Петровна, опытный фармацевт, заметила неладное. Слишком много лет за прилавком, чтобы не отличить настоящую упаковку от фальшивой. Она вскрыла коробку, отложила её отдельно, под прилавок — как улику. Она поняла, что торгует подделкой.

— И не стала молчать, — подхватил Шилов.

— Похоже на то. — Ладо кивнула. — К ней приходит мужчина. Трижды за неделю. Разговоры всё напряжённее. Он показывает на коробку. Логично предположить — это тот, кто поставлял ей эти лекарства. Или связан с поставкой. Он чего-то от неё хочет. Уговаривает? Угрожает? Требуется молчать, продавать дальше, не поднимать шум? А она — отказывается. Честная женщина, двенадцать лет репутации, любовь всего района. Она не станет травить своих стариков ради чьей-то выгоды.

— И тогда он подсыпает ей яд, — тихо закончил Кравцов. — В то самое утро. Заходит, заслоняет чашку, всыпает отраву. Уходит. А через час с небольшим она допивает чай — и умирает.

— Мотив на поверхности, — жёстко сказала Ладо. — Лидия Петровна стала опасна. Она знала про подделку, держала улики и, судя по всему, отказывалась участвовать. Живой фармацевт, готовый заявить о контрафакте, — это для поставщика конец. Уголовное дело, разоблачение всей цепочки сбыта, огромные деньги под угрозой. Мёртвый фармацевт — молчит. — Она остановилась. — Её убрали, чтобы заткнуть. Чтобы не пошла куда не надо.

— Куда «не надо»? — переспросил Шилов.

— В полицию, например, — ответила майор. — Или в надзорные органы. Денис, это надо проверить отдельно — собиралась ли она заявлять, говорила ли кому-то. Опроси ещё раз всех, кто близко с ней общался. Коллег, если есть, уборщицу, родню. Кто-то мог слышать, что она задумала. — Она повернулась к эксперту. — Артём, мне нужно происхождение этой партии. Откуда коробка? Есть на ней что-то — штампы, маркировка транспортная, отпечатки?

— Работаю, — кивнул Кравцов. — На коробке — транспортная наклейка, частично содрана, но фрагмент кода читается. Попробую пробить по логистическим базам, откуда шла партия. И отпечатки снимаю — на коробке, на блистерах. Если этот мужчина брал их в руки — может, наследил.

— Отлично. — Ладо взяла со стола поддельный блистер, посмотрела на него с холодным гневом. — Знаете, что меня в этом деле злит больше всего? Не сама жадность. Жадность я повидала. А то, что мишенью стали самые беззащитные. Старики, больные, доверчивые бабушки, которые верили: раз в аптеке продают — значит, лечит. А им подсовывали мел. И сколько их, мы пока даже не знаем. Сколько людей пили эту пустышку вместо лекарства, и у скольких давление так и не сбивалось, и чем это для них обернулось.

— А Лидия Петровна была единственной, кто встал на пути, — добавил Шилов.

— Была. И поплатилась. — Майор положила блистер на стол. — Но теперь, Денис, мы доведём её дело до конца. Раз она хотела это остановить — мы остановим. Только уже без неё.

Она подошла к доске, на которой уже висела фотография Весниной — приветливое лицо, белый халат.

— Итак, новая картина дела, — резюмировала Ладо. — Это не бытовое убийство и не ограбление. Это устранение свидетеля. Лидию Петровну отравили, потому что она обнаружила и не захотела покрывать поставку поддельных лекарств. Наша задача — размотать всю цепочку. Кто привёз эту партию? Кто тот мужчина в кепке? Где склад, откуда идёт контрафакт? Поставщик, который ради денег готов травить стариков пустышками, а неугодных — ядом. — Она обвела взглядом подчинённых. — Артём — происхождение коробки и отпечатки. Денис —

опрос окружения, и особенно ищи того, кто знал о её планах. А я подниму запрос по рынку контрафактных лекарств в городе. Такие партии не возникают из воздуха. У них есть хозяин.

Кравцов уже склонился над коробкой с лупой и кисточкой. Шилов собирал папку, делая пометки. А Ладо ещё стояла перед фотографией Весниной.

— Вы всё правильно делали, Лидия Петровна, — тихо проговорила она. — Заметили, отложили, не стали молчать. Честно. По совести. За это вас и убили. — Майор сжала губы. — Но эта коробка под прилавком, которую вы спрятали как улику, вас не подвела. Она заговорила за вас. И приведёт нас прямо к тому, кто всыпал отраву в вашу чашку.

За окном лаборатории сгущались осенние сумерки. На столе лежали поддельные таблетки — немое доказательство чужой жадности и одной честной смерти. А где-то в городе, на безымянном складе, ждала своего часа целая партия пустышек под видом лекарств — и человек, готовый убивать, лишь бы об этом никто не узнал.

Глава 3. Поставщик

Утро в ЦКР началось с того, что Артём Кравцов влетел в кабинет майора Ладо без стука — растрёпанный, с горящими глазами и пачкой распечаток в руке.

— Тамара Сергеевна, есть происхождение коробки! — выпалил он, бросая бумаги на стол. — Я всю ночь сидел над той транспортной наклейкой. Содрали её наспех, но фрагмент штрихкода и часть логистического номера читались. Прогнал по базам грузоперевозок.

— Садись, дыши и рассказывай по порядку, — отозвалась Ладо, отставляя кофе. — Откуда коробка?

— Партия пришла со склада оптовой фирмы «МедСнаб-Поволжье», — Кравцов ткнул в распечатку. — Это посредник, оптовик. Они закупают лекарства у производителей и развозят по аптекам. Контора с виду законная, лицензия есть, офис, склад на окраине, в промзоне. Но! — он поднял палец. — По официальным накладным «МедСнаб» в аптеку «На углу» поставлял совсем другие позиции. А вот этой партии препарата от давления в их отчётности по Весниной — нет. Зато сам код упаковки привязан к их складскому потоку. То есть коробка физически шла через них, но мимо документов.

— Серый канал внутри легальной фирмы, — медленно проговорила Ладо. — Снаружи всё чисто, а внутри гонят контрафакт. Кто хозяин «МедСнаба»?

— Учредитель и директор — некий Грачёв Олег Тарасович, — вступил Денис Шилов, входя в кабинет со своей папкой. — Я с утра пробил. Сорок шесть лет, в фармбизнесе давно. Раньше работал торговым представителем, потом открыл свою оптовую фирму. На бумаге всё гладко: налоги платит, лицензия в порядке, репутация средняя. Но — есть интересное. Пару лет назад на «МедСнаб» уже была жалоба от одной аптеки на «несоответствие препаратов». Жалобу спустили на тормозах, проверка ничего не нашла. Замяли.

— Уже теплее. — Ладо подалась вперёд. — А по нашему мужчине в кепке что? Артём, отпечатки с коробки?

— Вот тут, Тамара Сергеевна, прямое попадание. — Кравцов выложил дактилоскопическую карту. — На коробке и на двух блистерах — отпечатки. Один набор — самой Весниной, логично, она вскрывала. А второй — чёткий, мужской. Прогнал по базе. И знаете, кому принадлежит? — Он сделал театральную паузу. — Некому Семёну Лагутину. Тридцать восемь лет. И угадайте, где он работает?

— В «МедСнабе»? — прищурилась майор.

— В точку. Торговый представитель фирмы Грачёва. Развозит товар по аптекам, заключает договоры, контролирует точки. — Кравцов разложил фото из базы. — А теперь сравните с нашим стоп-кадром из аптеки.

Шилов положил рядом два снимка — размытый кадр с камеры, мужчина в кепке за прилавком, и фотографию из базы. Телосложение, рост, форма лица, даже линия плеч — всё совпало.

— Лагутин, — удовлетворённо произнесла Ладо. — Наш гость в кепке. Тот, что трижды приходил к Весниной, показывал на коробку и заслонял собой чайник. Торговый представитель фирмы, через которую шёл контрафакт. Его отпечатки на поддельных лекарствах. Его лицо на камере в день убийства. — Она побарабанила пальцами по столу. — Денис, что мы знаем о самом Лагутине? Что за человек?

— Опросил пока заочно, через знакомых и соцсети, — Шилов раскрыл папку. — Семён Лагутин. Семейный, двое детей, ипотека, кредит на машину. Жил всегда чуть выше своих доходов — отпуска за границей, новый внедорожник, ремонт. Зарплата торгового представителя такого не тянет. Значит, был дополнительный доход. — Он перевернул страницу. — Кол-

леги характеризуют как пробивного, исполнительного. «Решает вопросы». Правая рука Грачёва по «особым» поставкам — так о нём отзывались полунамёками.

— «Особые поставки», — повторила Ладо. — То есть он и был тем человеком, кто развозил по аптекам неучтённый товар. Контрафакт. И снимал за это сливки. — Она встала, подошла к доске, прикрепила фото Лагутина и Грачёва рядом с фотографией Весниной. — Картина выстраивается. Смотрите. Наверху — Грачёв, хозяин фирмы, организатор. Он закупает или производит дешёвые подделки и вбрасывает их в легальный поток через свой оптовый канал. Внизу — Лагутин, торговый представитель, исполнитель. Он развозит контрафакт по аптекам, договаривается с фармацевтами, следит, чтобы всё шло тихо. А между ними и потребителем — аптеки. И конкретно Лидия Петровна Веснина.

— Которая не стала молчать, — кивнул Шилов.

— Именно. Большинство, видимо, либо не замечали подделку, либо закрывали глаза за процент. А Веснина заметила и отказалась. — Ладо обвела взглядом фотографии. — Лагутин ходил к ней уговаривать. Раз, два, три. Разговоры всё жёстче. Она ни в какую. И тогда либо он сам, либо по приказу Грачёва решил вопрос радикально — ядом.

Кравцов поднял руку.

— Тамара Сергеевна, по яду тоже есть зацепка. Помните, я говорил — алкалоид растительного происхождения, не бытовая химия, нужен доступ к фармсырью? — Он постучал по распечатке. — Так вот, такие субстанции проходят как раз через оптовые фармфирмы — в составе сырья, реактивов, для производства. У фирмы вроде «МедСнаба» теоретически мог быть доступ к концентрированным веществам. То есть яд и контрафакт — из одного источника. Из их же кухни.

— Всё сходится в одну точку, — подытожила Ладо. — Фирма «МедСнаб-Поволжье». Там и фальшивые лекарства, и доступ к яду, и оба наших фигуранта. — Она прошла по кабинету. — Но, друзья мои, давайте не будем спешить. У нас есть отпечатки Лагутина на коробке и его силуэт на камере. Это серьёзно, но защита скажет: торговый представитель привозил товар, естественно, его отпечатки на коробке, ничего криминального. А силуэт в кепке — поди докажи, что это именно он, лица-то нет. Нам нужно больше. Нам нужно связать Лагутина именно с ядом и именно с тем утром.

— Что делаем? — спросил Шилов.

— Первое. — Майор начала загибать пальцы. — Денис, биллинг Лагутина за тот день. Где был его телефон утром, когда Веснину отравили. Если вышка покажет, что он находился в районе аптеки в районе без четверти девять — это уже привязка ко времени и месту. И вообще подними его перемещения за последнюю неделю — все три визита.

— Понял.

— Второе. Финансы. Пробей счета Лагутина и фирмы «МедСнаб». Меня интересуют наличные, странные поступления, обнал. Если он получал доплату за «особые поставки» — деньги где-то осели. И посмотри, не было ли в последние дни нервных движений — снятий, переводов. Люди после убийства часто дёргаются.

— Сделаю.

— Третье, и самое тонкое. — Ладо повернулась к эксперту. — Артём, мне нужна связь Лагутина с конкретным веществом. Обыск на складе «МедСнаба» мы пока организовать не можем — нет достаточных оснований, спугнём всю верхушку. Но машина Лагутина, его рабочее место, его одежда — если он пересыпал яд, могли остаться микроследы. Готовься, как только будет постановление — работать быстро и чисто.

— А Грачёв? — спросил Шилов. — Если он организатор, может, брать сразу обоих?

— Рано, Денис. — Ладо покачала головой. — Грачёв — фигура осторожная. Хозяин, который держится в тени. У нас на него пока только то, что через его фирму шёл контрафакт. Прямой связи с убийством нет. Если мы влетим к нему с обыском без железных доказательств

— он всё свалит на Лагутина: «знать не знаю, торговый представитель самовольничал, я честный бизнесмен». И уйдёт. А контрафакт продолжит течь дальше, уже через другие руки. — Она прищурилась. — Нет. Сначала прижмём Лагутина. Он — слабое звено. Исполнитель, с семьёй, с ипотекой, с детьми. Такие на убийство идут не от хорошей жизни и ломаются на допросе быстрее хозяев. Возьмём его на крючок — он сдаст Грачёва. Вот тогда и накроем всю цепочку, и склад, и всю партию отравы.

Зазвонил телефон Шилова. Он ответил, послушал, и брови его поползли вверх.

— Тамара Сергеевна, это из аптеки. Помните, вы велели опросить всё окружение Весниной? Сейчас перезвонила уборщица, которая в день убийства была на больничном, потому мы её сразу не застали. Зинаида, женщина в возрасте, мыла полы в аптеке по утрам и вечерам. Говорит, ей надо нам что-то рассказать. Что-то про последние дни Лидии Петровны. Говорит — важное. Про то, что Веснина собиралась куда-то идти.

Ладо и Кравцов переглянулись.

— «Собиралась куда-то идти», — медленно повторила майор. — Денис, бери машину. Едем к уборщице немедленно. Если Лидия Петровна кому-то обмолвилась о своих планах — это может быть тот самый недостающий мотив. Прямое доказательство, зачем её убрали именно сейчас, в спешке, ядом, не дожидаясь.

Она схватила плащ, на ходу бросая через плечо:

— Артём, ты — на телефоне. Как только будет биллинг Лагутина от Дениса — сверяй с временем визитов на камере и с утром убийства. Мне нужна его геолокация в момент отравления. И готовь всё к экспертизе машины и одежды — чую, постановление мы скоро получим.

— А если Лагутин почует и сбежит? — спросил Кравцов.

— Не почует пока, — ответила Ладо, застёгиваясь. — Он думает, что всё чисто. Фармацевт умерла, спишут на сердце или несчастный случай. Он не знает, что мы нашли коробку, сняли его пальчики и вычислили фирму. — Она усмехнулась, но глаза остались холодными. — В этом наше преимущество, Денис. Убийца уверен, что замёл следы. А мы уже идём по ним. Главное — не спугнуть раньше времени. Пусть Лагутин и Грачёв спокойно сидят на своём складе и думают, что выкрутились. Мы придём, когда у нас будет всё.

Они вышли в коридор. За окном ЦКР серое осеннее небо нависло над городом, моросил мелкий дождь.

— Знаете, что меня держит в этом деле? — проговорила Ладо, пока спускались к машине. — Эта Зинаида-уборщица. Простая женщина, мыла полы, никто на неё внимания не обращал. А ведь именно такие люди часто видят и слышат больше всех. Они — как мебель, при них говорят, не таясь. И вот эта «мебель» сейчас, возможно, расскажет нам то, ради чего убили человека. — Майор села в машину, захлопнула дверцу. — Поехали, Денис. Послушаем, куда собиралась Лидия Петровна в свои последние дни. И почему кому-то так сильно нужно было, чтобы она туда не дошла.

Машина выехала со двора ЦКР под морозящим дождём и свернула в сторону тихого района, где в маленькой квартирке ждала пожилая уборщица с воспоминанием, которое могло замкнуть всю цепочку. А где-то на другом конце города, в промзоне, за глухими воротами склада «МедСнаб-Поволжье», Семён Лагутин развозил очередную партию товара, уверенный, что страшная тайна утонула вместе с чашкой остывшего чая. Он ещё не знал, что отпечаток его пальца на картонной коробке уже привёл к нему майора Тамару Ладо — и что гонка за ним началась.

Глава 4. Свидетель

Зинаида Михайловна Полещук жила в стареньком пятиэтажном доме, в маленькой однокомнатной квартирке, где пахло пирогами и лекарствами одновременно. Это была сухонькая женщина лет шестидесяти пяти, с натруженными руками и добрым, но сейчас встревоженным лицом. Открыв дверь майору Ладо и оперативнику Шилову, она засуетилась, кинулась ставить чайник, и руки у неё заметно дрожали.

— Проходите, проходите, родные мои, — приговаривала она. — Я как услышала, что Лидочку... что её отравили... не сплю вторые сутки. Всё думаю, думаю. И поняла — надо вам рассказать. Совесть не даёт молчать.

— Зинаида Михайловна, не волнуйтесь, — мягко сказала Ладо, усаживаясь за крошечный кухонный стол. — Мы вас внимательно слушаем. Вы давно работали в аптеке?

— Восемь лет, милая. — Уборщица села напротив, комкая в руках полотенце. — Полы мыла, протирала всё, прибиралась. Утром до открытия приходила и вечером после закрытия. Лидочку как родную знала. Душевная была женщина, чаем меня всегда поила, про внуков рассказывала. — Глаза её заблестели. — Кто ж знал, что так выйдет.

— Вы сказали по телефону, что Лидия Петровна собиралась куда-то идти, — осторожно направила разговор Ладо. — Расскажите подробно. Что вы видели, что слышали.

Зинаида Михайловна глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

— Значит, так. Недели две назад приехала к нам в аптеку партия лекарств. Коробки привезли, как обычно. Лидочка их принимала. И вот раскладывает она этот товар и вдруг останавливается. Я как раз пол у прилавка мыла, рядышком была. Смотрю — она пластинку с таблетками в руках вертит, к свету подносит, хмурится. И говорит так, тихонько, сама себе: «Что за ерунда? Это что ещё такое?»

— А дальше? — Ладо подалась вперёд.

— А дальше она другую коробку открыла, настоящую, сравнивает. Туда-сюда смотрит. И лицо у неё такое стало... серьёзное, злое даже. — Уборщица понизила голос, будто их кто-то мог подслушать. — Она мне и говорит: «Зина, ты глянь. Вот это — настоящее лекарство. А вот это — подделка. Фальшивка. Мел, наверное, внутри. А люди ведь пьют, лечатся». Я говорю — да ты что, Лидочка, как же так? А она: «А вот так. Травят народ. И я, выходит, этой отравой торгую, людям в руки даю».

— Так и сказала — «травят народ»? — уточнил Шилов, делая пометки.

— Так и сказала, сынок. Слово в слово. — Зинаида Михайловна кивнула. — Она эту коробку с подделками отдельно отложила, под прилавок задвинула. Сказала — «доказательство будет». И с того дня сама не своя ходила. Всё думала о чём-то, переживала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.